ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 15 октября 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 56 (692)

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОЧЕРЕДНОМ ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)

11—12 ОКТЯБРЯ СОСТОЯЛСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б).

ПЛЕНУМ РАССМОТРЕЛ ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И ПРИНЯЛ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ.

ПЛЕНУМ ПРИНЯЛ, КРОМЕ ТОГО, РЕШЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ И АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР.

ПЛЕНУМ ВВЕЛ В СОСТАВ КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) СЕКРЕТАРЯ ЦК ВКП(б) тов. ЕЖОВА Н. И.

Писатели—в ряды большевистских агитаторов

Избирательная кампания началась. Постановлением правительства назначен день выборов в Верховный Совет СССР — двенадцатое декабря. В этот день вся страна — миллионы советских граждан пойдут к избирательным урнам, чтобы выбрать лучших, достойнейших представителей народа, партийных и непартийных большевиков в верховный орган социалистического государства рабочих и крестьян.

12 октября закончился Пленум Центрального Комитета ВКП(б), который рассмотрел вопросы избирательной кампании и принял соответствующие решения. Пленум принял также решение об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР.

Развертывающаяся избирательная кампания и связанная с ней огромная подготовительная агитационная работа выдвигают серьезнейшие задачи перед советскими писателями — мастерами художественного слова. Слово художника обладает колоссальной силой идейного и эмоционального воздействия, оно доходчиво и доступно широчайшим массам. Советские писатели должны развернуть неутомимую и обширную работу в избирательной кампании.

Им есть что пропагандировать, за что агитировать. Двадцать лет существования советской власти чудесно изменили, преобразили нашу родину. Из страны отсталой и нищей, страны, стонавшей под гнетом помещиков и капиталистов, выросла могучая и обильная крепость социализма, в которой многомиллионные народные массы живут счастливо и свободно, уничтожив навсегда эксплоататорские классы, эксплоатацию человека человеком. Под водительством славной партии большевиков, под мудрым руководством гениальных вождей человечества — Ленина и Сталина— трудящиеся массы добились неслыханных и невиданных в истории побед, разгромили помещиков, капиталистов, интервентов и в кратчайший исторический срок построили социализм.

Творческие силы народа, скованные прежде цепями эксплоататорского общества, развернулись теперь с необычайной силой.

Советский народ с первых дней пролетарской революции и до сего дня выдвигает все больше и больше талантов — героев труда, организаторов, полководцев, стахановцев промышленности и сельского хозяйства, деятелей науки и искусства — людей волевых, энергичных, мужественных, закаленных, беззаветно преданных социалистической родине, великой партии большевиков и ее вождю — великому Сталину.

Расцвела жизнь всех народов Советского Союза, впервые в мире женщина получила на деле равные права с мужчиной, впервые в мире трудовому народу обеспечены право на труд, право на отдых, право на образование — великие права, о которых мечтали лучшие умы человечества. Эти права завоеваны Великой социалистической революцией, золотыми буквами записаны в Великой Сталинской Конституции.

Впервые в истории детство в нашей стране стало на деле золотою порой, счастливым детством, материнство стало священным.

Мы по праву гордимся нашим великим социалистическим отечеством, и нашим писателям есть чем вдохновиться, есть о чем рассказать, есть что показать и воспеть в ярких радостных красках, в глубоких художественных образах, в звонких счастливых песнях.

Формы участия писателей в агитационной работе по избирательной кампании необ'ятно разнообразны. Всем и каждому найдется дело. Надо написать художественные портреты лучших, знатных людей нашей страны, выдвигаемых кандидатами в Верховный Совет СССР. Надо создать их художественные биографии, рассказать, как они боролись за счастье народа, как они работали, как совершали героические дела и подвиги. Надо в рассказах и очерках показать новых, социалистических людей, изобразить в ярких образах рост и победы страны социализма, поведать о новых городах, заводах, о новой жизни, о росте культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Надо написать новые песни, воспевающие радость и счастье освобожденных народов СССР. Надо обслужить художественным словом кино и радио, газету и брошюру, листовку и плакат, пропагандируя Сталинскую Конституцию, раз'ясняя избирательный закон, рассказывая о победах и успехах социалистического строительства.

Надо оружием сатиры, стихом и прозой громить и разоблачать притаившихся последышей эксплоататорских классов — врагов народа — презренных изменников родины, японо-германских фашистских шпионов, диверсантов, вредителей, троцкистских, зиновьевских, бухаринских гаденышей, остатков кулачества, буржуазных националистов, церковников и сектантов всех мастей — всех тех, чьи грязные лапы тянутся, чтобы протащить вражескую нечисть в органы власти и помешать советскому народу избрать достойнейших и лучших в свой Верховный Совет СССР.

Большевистская печать широко предоставила свои страницы писателям, стремящимся принять участие оружием художественного слова в агитационной работе. Партия и правительство оказали писателям величайшее внимание и почет, введя в состав Центральной избирательной комиссии представителя Союза советских писателей — Михаила Александровича Шолохова, создателя замечательных книг— «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Это внимание и почет налагают на писателей величайшую ответственность. Вся советская литература должна откликнуться на этот акт партии и правительства дружной, упорной, самоотверженной работой в избирательной кампании.

Готовы ли к этому ряды советских писателей? Мы вынуждены констатировать, что еще не все готовы, еще не все литераторы отдают себе отчет в тех задачах, которые встают перед ними в связи с подготовкой выборов в Верховный Совет СССР.

9 октября сего года на общемосковском собрании писателей докладчику о Положении о выборах в Верховный Совет т. А. Я. Вышинскому было подано в письменном виде несколько вопросов, которые обнаружили крайне плохое знакомство авторов этих записок с избирательным законом.

Многие писатели еще не подготовились, еще только собираются, еще только раздумывают, что и как они могли бы сделать, написать, создать. А между тем время не ждет, избирательная кампания ширится и развертывается по всей стране.

Мы снова и снова выдвигаем перед советскими писателями, перед Союзом советских писателей, как неотложную, боевую задачу, требование всей страны, всего народа — ввести в действие всю армию работников советской литературы, поставить художественное слово на службу избирательной кампании, развернуть могучую большевистскую агитацию песней и рассказом, пьесой и скэтчем, очерком и эпиграммой.

Агитационную работу возглавляет наша великая ленинско-сталинская партия — водительница революционных масс. Сила партии заключается в ее тесной, неразрывной связи с массами. Она идет к выборам совместно с беспартийными, не отделяясь от них, вместе с ними выдвигая лучших, достойнейших кандидатов.

Жить и бороться под руководством большевистской партии, сражаться и работать вместе с нею за рост и укрепление социалистического строя — что может быть благодарнее и почетнее этого для каждого сына нашей родины?

Работать вместе с партией и под ее руководством в избирательной кампании, вести агитацию и пропаганду великих идей большевизма — эта почетная задача стоит сейчас перед советскими писателями. Ей надо отдать все силы.

Писатель — в ряды агитаторов за избрание в Верховный Совет СССР лучших партийных и непартийных большевиков, бойцов сталинской выучки!

Писатель — в ряды пропагандистов побед социализма, одержанных под руководством партии Ленина—Сталина!

Об избирательных округах по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей

На основании статей 34 и 35 Конституции СССР и статей 21, 22, 23 и 24 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», ЦИК СССР 11 октября с. г. постановил образовать 569 избирательных округов по выборам в Совет Союза и 574 избирательных округа по выборам в Совет Национальностей.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР помещается по адресу: г. Москва, Дом Союзов, Пушкинская улица (бывш. Б. Дмитровка), 10-й под'езд, 2-й этаж.

Телефоны: К 0-31-35; К 4-39-62; К 3-44-30.

Изогиз выпускает большую серию плакатов-фотомонтажей, посвященную Великой Сталинской Конституции. Художественное оформление плакатов художника **Перникова**, фотомонтажи **В. Грюнтапля**

О ДНЕ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО VIII С'ЕЗДА СОВЕТОВ И СТ. 72 «ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР» ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДНЯ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР НЕ ПОЗДНЕЕ, ЧЕМ ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО СРОКА ВЫБОРОВ И В НЕРАБОЧИЙ ДЕНЬ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. НАЗНАЧИТЬ ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР НА 12 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА.
2. ОБ'ЯВИТЬ НАЧАЛО ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР С 12 ОКТЯБРЯ 1937 ГОДА.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР **М. КАЛИНИН.**

За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР
Член Президиума ЦИК СССР **А. АНДРЕЕВ.**

Москва, Кремль. 11 октября 1937 г.

Об утверждении состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

На основании ст. ст. 34 и 35 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», Центральный Исполнительный Комитет СССР **постановляет** утвердить Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР в составе следующих представителей общественных организаций и обществ трудящихся:

Председатель Центральной избирательной комиссии **МОСКАТОВ** Петр Георгиевич — от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов.

Заместитель председателя Центральной избирательной комиссии **ШМИДТ** Отто Юльевич — от Профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений.

Секретарь Центральной избирательной комиссии **МАЛЕНКОВ** Георгий Максимилианович — от Профессионального союза работников политико-просветительных учреждений.

Члены Центральной избирательной комиссии:

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич — от Московской коммунистической организации,

УГАРОВ Александр Иванович — от Ленинградской коммунистической организации,

МЕХЛИС Лев Захарович — от коллектива работников газеты «Правда»,

ШОЛОХОВ Михаил Александрович — от Союза советских писателей,

КОСАРЕВ Александр Васильевич — от Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи,

ГОРШЕНИН Павел Сидорович — от Центрального Совета общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоавиахим),

ШАПОВАЛОВА Татьяна Петровна — от колхозников колхоза «Большевик», Воронежской области,

КОЛЕСНИК Николай Филиппович — от рабочих, служащих и инженеров Харьковского тракторного завода,

СИМОНЖЕНКОВА Матрена Кузминична — от рабочих, служащих и инженеров фабрики им. «Октябрьской Революции»,

ШАПОВАЛОВ Евдоким Илларионович — от колхозников колхоза «Новый Мир», Краснодарского края,

ЕВТУШЕНКО Дмитрий Матвеевич — от Киевской коммунистической организации,

ЮСУПОВ Усман — от Узбекской коммунистической организации.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. КАЛИНИН.

За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР
Член Президиума ЦИК СССР
А. АНДРЕЕВ.

Москва, Кремль. 11 октября 1937 г.

ОПРАВДАТЬ ДОВЕРИЕ МНОГОМИЛЛИОННЫХ МАСС

★

Беседа с Михаилом Шолоховым

★

Жители станицы Вешенская и ее соседних районов горды: их земляк, советский писатель, казак Михаил Шолохов в числе пятнадцати лучших представителей многомиллионного народа утвержден членом Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

— Как член Центральной избирательной комиссии, — говорит Михаил Шолохов,— я, очевидно, должен буду провести значительное время в Москве, погрузиться целиком в избирательную кампанию.

Писатель говорит об огромном политическом значении избирательной кампании. Она во весь рост выявит сознательность масс, их политическую зрелость, их повышенные запросы. На основе личных наблюдений в хорошо знакомой ему казачьей среде Шолохов заключает, что при выборах — как в Верховный Совет, так и в местные Советы — никто не сможет рассчитывать на свои прошлые заслуги. Весьма показательно, что даже некоторые орденоносцы, успокоившиеся после получения ордена, ничем себя сейчас не проявляющие, вызывают настороженное к себе отношение.

— От них, — подчеркивает т. Шолохов, — требуют, чтобы они всегда оставались людьми ведущими.

М. Шолохов говорит о растущей активности населения. В прежние времена также существовал принцип «тайных» выборов, ну, хотя бы атамана. Но это были тайные выборы с явными подкупами, террором, спаиванием, подлогами. Бедняки и середняки знали, что от этих выборов нечего ждать, независимо от того, кто победит — Иванов или Петров. Участвовало в выборах ничтожное меньшинство.

Сейчас это будут выборы массовые в полном смысле этого слова. Народ еще и еще раз ощутит себя полновластным хозяином страны, ее богатств.

— Враги, конечно, попытаются использовать положение, но их ставка окончательно бита. Казаки отлично знают, до чего докатились белогвардейцы-эмигранты; они знают, что бывшие донцы помогают генералу Франко подавить Испанскую республику, японцам — подавить независимость китайского народа, Гитлеру — в политике провокации мировой войны, даже в Парагвае они выполняют роль презренных наймитов капитала.

Советские казаки на выборах продемонстрируют единство народа, который отдаст свои голоса партийным и непартийным большевикам.

Разговор закономерно переходит на тему о показе врага в художественной литературе. Здесь, по мнению М. Шолохова, сделано очень мало. Врага у нас показывают плакатно, примитивно. Это разоружает читателя. Одно из немногих исключений — образ Сторожева в романе Н. Вирта «Одиночество». Но зато сильно разочаровывает роман того же писателя «Закономерность». Шолохов очень резко характеризует этот роман как произведение антихудожественное, политически вредное. В романе даны анекдотические неправдоподобные враги, и это может только дезориентировать читателя.

Неполноценно показан враг и облик грядущей войны также в романе П. Павленко «На Востоке». Здесь, — указывает т. Шолохов, — замечается явное упрощенчество. А ведь Павленко сумел избегнуть этого в изображении, например, советских хозяйственников. Эти образы даны тепло, красиво, им безусловно веришь.

Упреки в неправдоподобном показе врага относятся не только к литературе, но и ко всем другим областям искусств, например, и к кино.

Шолохов приводит в качестве примера фильм «Аэроград» Довженко. Здесь в показе врага много «шапкозакидательства», много наивного, много легковесного. Любой дальневосточник мог бы более убедительно охарактеризовать особенности японской военщины, японской разведки.

— Итак, — заканчивает т. Шолохов, — перед нами серьезнейшая задача: оправдать огромное доверие многомиллионных масс, идущих сейчас к выборам, научиться говорить с ними по-серьезному, правдиво; без малейшей утайки, без малейшей фальши рассказывать о наших друзьях и врагах.

В заключение писатель заявил вашему корреспонденту, что он предполагает приехать в Москву к 23 октября, чтобы присутствовать на премьере «Поднятой целины» в Большом Театре Союза ССР.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Станица Вешенская, 14 октября. (По телефону от нашего спец. корреспондента).

Писатели готовятся к выборам в Верховный Совет СССР

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ
Председатель ЦИК СССР и ЦИК УССР

Дело чести работников литературы

12 декабря—день выборов в Верховный Совет СССР.

Как к великому празднику радости и счастья, готовится к этому историческому дню весь советский народ. Радость бытия освобожденных рабочих и крестьян безгранична. Сталинская Конституция, являющаяся выражением всего добытого и завоеванного в результате долголетней борьбы за освобождение человечества от рабства и угнетения, всего завоеванного и добытого народами СССР за годы советской власти,—на устах у всех. Старые и малые, рабочие и колхозники, советская интеллигенция вооружаются знанием Сталинской Конституции, избирательного закона, чтобы с полным сознанием своего гражданского долга принять участие в выборах.

Было ли когда-либо подобное в истории, чтобы народ, ранее закованный в цепи рабства, задавленный в тиски, забитый, униженный и оскорбленный, поднялся так высоко и могуче развил свое творчество? Оно, это творчество, оросило глубоко вспаханные нивы, дало богатейшие всходы. Их ощущает каждый трудящийся, кому принадлежат все блага созидательного труда.

Вся наша молодая могучая страна, весь ее 170-миллионный народ славит Сталинскую Конституцию, в труде и в творчестве выражает свое чувство благодарности, чувство радости и счастья, преданности великой коммунистической партии, вождю народов товарищу Сталину, под чьим руководством добыто и завоевано все это.

Замечательны слова 66-летнего колхозника колхоза им. Шевченко, села Малой Сквирки Белоцерковского района на Киевщине, т. Николая Шашко. Он их выразил в прекрасных стихах:

Нову Конституцію я ось читаю,
Закон основний наш уважно вивчаю,
Закон, що найбільш працював над ним Сталін,
Закон, що відкрив несосяжні нам далі.
Від пакту до пакту, коли я читаю,
Радію, хвилююсь я щиро вітаю.
За іншої влади закон, як писався, —
Чи радився хто з нами, чи нас хто питався,
Чи мали ми право колись говорити,
В закон щось додати, чи щось там змінити?
Чи мали ми право раніш обирати,
До влади своїх посилать депутатів?
...Закони тиранів ми геть зруйнували,
А рай той прекрасний самі збудували,
Але не на небі, а тут на землі,
В Радянській Країні в братерській сім'ї.

Где еще, в какой стране так ярко расцвела культура, охватившая буквально миллионные массы, как у нас?

В капиталистических странах культура, искусство, литература являются достоянием только касты привилегированных. У нас она — достояние всего народа, каждому Сталинская Конституция обеспечивает право на образование. Нет никаких преград для осуществления этого права. Перед каждым открыты широкие возможности для применения своих знаний и способностей, для развития своих талантов. Огромное развитие получили в Стране советов литература, искусство.

На ряду с произведениями великого писателя Горького, которым по праву гордится весь наш советский народ, наши писатели и работники искусства дали советской общественности немало глубоких произведений, как «Тихий Дон», «На Востоке», «Как закалялась сталь», «Гибель эскадры» и другие. Эти произведения вошли в историю и быт социалистического общества.

В кладке великого здания социализма, в создании гигантов социалистической индустрии—Магнитостроя, Днепрогэса и других инженеры человеческих душ, наши советские поэты и писатели художественными образами своих произведений воодушевляли ударников и ударниц на новые подвиги.

Об'явлено начало избирательной кампании. Выборы в Верховный Совет совпадают с XX годовщиной Великой Пролетарской революции. Писатели и тут могут и должны стихами, рассказами, песнями, очерками, художники—картинами, плакатами, выражающими всеобщее чувство сознания и гордости миллионов рабочих и колхозников, действенно агитировать за того депутата, кто будет честно и преданно служить интересам социалистического государства рабочих и крестьян, привлекать к участию в выборах миллионные массы трудящихся, звать их на выборы.

Пользуясь различными литературными жанрами, поэты и писатели должны изобразить картины гнета и эксплоатации рабочих и крестьян в буржуазно-помещичьей России, революционную борьбу рабочего класса под руководством коммунистической партии Ленина—Сталина, борьбу передовых рабочих и крестьян, уделом которых были тюрьмы и каторга.

Советские писатели должны в своих произведениях показать, как и кого выбирают в капиталистических странах в буржуазные парламенты, раскрыть мошенничество, шантаж, подкуп, насилие, обман, к которым прибегают капиталисты и их наемники—меньшевики, эсеры, контрреволюционная троцкистско-фашистская свора при составлении своих правительств.

Миллионным массам советских читателей наши писатели средствами искусства должны рассказать о советской демократии, о Сталинской Конституции как символе всемирно-исторических завоеваний Великой социалистической революции.

Дело чести советских писателей, работников литературы и искусства — понести свое творчество в широкие массы, в города и села, сделать его боевым орудием большевистской пропаганды и агитации для более успешного проведения выборов в Верховный Совет СССР и советы депутатов трудящихся на местах, сделать свое творчество мощным орудием борьбы против презренных троцкистско-зиновьевских фашистских убийц, против националистов всех мастей, против всех врагов народа, для еще большего укрепления мощи Страны советов, для осуществления светлых идеалов человечества—коммунизма в нашей стране и во всем мире.

12 октября 1937 г.

ВЛОЖИТЬ ВСЮ СТРАСТЬ МАСТЕРОВ ИСКУССТВА

Н. Тихонов

12 декабря! — вот он, назван день, когда произойдут выборы в Верховный Совет СССР.

В этот день люди, населяющие Советский Союз, без различия рас и национальностей, опустят в избирательные урны бюллетени с именами своих избранников.

Избирательная кампания в Стране советов свободна от ажиотажа спекулянтов, махинаций темных политиков, продажных законов биржи. У нас будут оцениваться дела и подвиги людей труда, науки и техники, будут подытоживаться достижения лучших из лучших.

В составе Центральной избирательной комиссии названо имя передового, прекрасного писателя Михаила Шолохова, представительствующего людей литературы.

Писатели должны включиться в избирательную кампанию со всей страстностью мастеров искусства.

С ощущением величайшей радости и чувства величайшей ответственности писатели найдут то многообразие форм, которое поможет им достойно участвовать в явлении, полном особого исторического смысла.

НАШЕ ПЕРО ДОЛЖНО БЫТЬ БОЕВЫМ ОРУЖИЕМ

С. Михалков

До выборов в Верховный Совет СССР — два месяца.

За этот срок по всей нашей стране будет широко развернута и проведена массовая подготовительная работа по раз'яснению избирательного закона и вопросов, связанных с этой грандиозной политической кампанией.

Лучшие представители советской общественности и искусства примут участие в этой работе. В цехах предприятий, в колхозных клубах; на профессиональной сцене будут выступать ученые и командиры, стахановцы и артисты, рассказывая о значении и задачах выборов, о правах и обязанностях советского гражданина, о Сталинской Конституции и достижениях нашей страны.

Используя все средства большевистской агитации, — живое слово, плакат, газету, кино, радио, эстраду, — советские писатели и поэты должны занять почетное место в рядах этой тысячной армии агитаторов.

Наше перо должно быть боевым оружием, изобличающим и разящим врага, который наголову разбит, но до конца еще не уничтожен. Наше перо должно неутомимо напоминать о бдительности, под знаком которой должна проходить вся работа по выборам в высший орган власти — Верховный Совет.

Наше перо должно быть страстным агитатором за лучших людей нашей родины, за народных героев, за людей, облеченных доверием партии, всего народа.

Пусть каждого из писателей в предстоящей работе вдохновляет образ Владимира Маяковского, неутомимого агитатора за дело рабочего класса, величайшего гражданского поэта, голос и перо которого были неотделимы от советской власти.

БУДЕМ АКТИВНЫ

Б. Левин

Грандиозны мероприятия по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Такого массового оживления и под'ема еще не было в нашей стране.

Насколько важна роль литератора в предстоящих выборах, видно хотя бы из того, что в состав Центральной избирательной комиссии назначен М. Шолохов—прекрасный писатель, настоящий труженик-большевик.

В эти дни писатели должны особенно широко проявить свои способности агитаторов, пропагандистов. Выполнять эту почетную функцию нужно не только в печати, но и в трамвае, на площади, всюду, где это необходимо делать.

Будем активны!

Место писателя

В. Катаев

Избирательная кампания, в которую вступила наша страна, — величайшего масштаба массовая кампания за все годы революции.

Она имеет гигантское значение для самопознания нашего народа.

Мы в этой кампании не только подведем итоги замечательным достижениям двадцатилетия Великой социалистической революции, но увидим совершенно ясно и отчетливо преображенный лик нашей страны.

Мы увидим, с каким праздничным и радостным чувством пойдет на выборы народ, выбравшийся из самодержавной тюрьмы на вершину мощи, под'ема и культурного процветания. Мы убедимся, какие громадные резервы новых людей, людей советской формации в лучшем смысле слова, воспитанных партией, безгранично ей преданных, поднятых гением Сталина из глубин народных, имеет наша социалистическая родина.

В Верховный Совет СССР народ пошлет, несомненно, своих лучших из лучших людей. Они пройдут двойную проверку: сначала в общественных организациях, которые выдвинут их на всенародное голосование, а затем и на самих выборах.

Ясно — где сейчас место советского писателя. Его долг — быть агитатором и пропагандистом, верным помощником партии, укрепляющим ее неразрывные связи с миллионами непартийных большевиков.

Вместе с тем писатель должен быть чутким сейсмографом, улавливающим огромные перемены, происшедшие за годы революции в народной жизни. Писатель должен внимательно прислушиваться на избирательных собраниях к народным чаяниям и чувствам, должен зорко вглядываться в новых людей нашей страны.

Кто знает, может быть в результате нашей избирательной кампании, вовлекающей в политическое действие десятки миллионов людей, воплотится в художественные образы и новый для советской литературы положительный герой, новый человек нашей страны.

Итоги и перспективы невиданных побед

Ю. Тынянов

Сегодня первый день избирательной кампании.

Только лучшие, испытанные друзья народа, его верные сыны, его руководители и вожди достойны быть избранными в Верховный Совет для почетной и ответственной работы.

Избирательная кампания будет свободна от всего того, что связано с этим понятием в капиталистическом мире, от мелких и крупных интриг, подкупов, угроз.

Люди советской страны спокойно и свободно взвесят достоинства кандидатов. Долг советских писателей — принять самое непосредственное участие в избирательной кампании.

В дни избирательной кампании будут подведены итоги гигантской работы, проделанной страной за двадцать лет, и одновременно откроются перспективы новых побед.

Ленинград, 12 октября. (По телефону).

Дата всенародного счастья

К. Паустовский

Назначен срок выборов в Верховный Совет СССР.

Эти простые слова заключают в себе подлинное величие. Конституция становится жизнью. Прекрасное будущее, бывшее до сих пор величайшим стремлением и неистребимой мечтой трудового человечества, то прекрасное будущее, за которое боролись и умирали лучшие люди земли, о котором мечтали гениальные писатели и поэты, мыслители и революционные вожди как о далеком, теряющемся в грядущих веках, чуде —стало сегодняшним днем.

Мы увидим его, нам дан срок, который смело можно назвать сроком всенародного счастья. Оно завоевано великим трудом и кровью, мужеством и мудростью масс, партии, ее вождей.

И мы, поколение людей, которому выпало жить в стране социализма, можем жалеть только об одном,—о том, что до наших дней не дожили люди, стремившиеся всей силой своих помыслов к осуществлению «пленительного счастья» для всего трудового человечества—Ленин, Горький, Пушкин и с ними—все, кто создал почву для расцвета совершенных человеческих отношений, для расцвета социалистического общества и культуры.

Величайшая ответственность

М. Слонимский

Сталинская Конституция подвела итоги годам борьбы и величию побед советской страны.

В исторический день 12 декабря советский народ изберет свой Верховный Совет.

Это событие возлагает на каждого из нас величайшую ответственность. В начавшейся избирательной кампании советские писатели должны принять самое активное, самое горячее участие. Агитируя и голосуя за самых лучших сынов нашей родины, мы голосуем за свободу и счастье Страны советов, единственной страны социализма, живущей в окружении непримиримых и злобных врагов. Советский народ показывает путь в светлое будущее всему трудящемуся человечеству.

Рассказывая о простых советских людях, о героях и подвигах, столь естественных и закономерных в условиях нашей действительности, писатель может вскрыть все разнообразие биографий и характеров, единых в преданности делу социализма, богатство нашей жизни, страстность борьбы советского человека против всех и всяческих врагов, силу и высокий разум большевистского руководства.

Эта задача, еще далеко не выполненная нашей литературой, требует работы упорной, настойчивой и страстной. Эта задача требует глубокого проникновения в жизнь и работу людей самых различных профессий.

Включаясь в избирательную кампанию, писатель борется за свой народ, за свою родину, за счастье и свободу всего трудящегося человечества.

Страна поет

В. Саянов

В городе Ленина, где два десятилетия назад революционный пролетариат, руководимый Лениным и Сталиным, провозгласил власть Советов, началась избирательная кампания.

Я участвовал в митингах рабочих завода «Красный треугольник».

Ночные и дневные смены собирались у конвейеров, в цехах, в красных уголках.

Выступали старые работницы, помнящие кабалу немецких хозяев «резиновой мануфактуры», и молодые рабочие — ровесники Октября!

Они говорили о своей любви к великому Сталину, о преданности социалистической родине.

С огромным под'емом проходили митинги. В одном из цехов митинг закончился песнями.

Новые песни поют сегодня на заводе.

Авторы этих песен — рабочие и работницы монтажных, галошных, шинных цехов.

Не туманы стелются,
Не метель метет, —
На просторах яблоня
Яркая цветет.
. . . .
Не в глухую за-полночь,
А в дыханьи дня
Расцвела ты, яблоня,
Родина моя.

О счастьи жить в наше время, о счастьи быть гражданином социалистической родины поют песенники в цехах старого завода.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОД'ЕМ

Участию ленинградских писателей в избирательной кампании было посвящено последнее заседание правления ЛенССП. Выступавшие поэты, прозаики, драматурги горячо говорили о своем желании участвовать в избирательной кампании.

—В эти дни,—указали **А. Прокофьев, Н. Тихонов, В. Саянов** и др.,—особенно громко должно зазвучать слово поэта. Поэзия—самый мобильный род литературного оружия. На страницах газет и с трибун предвыборных собраний, на агитационных плакатах и с эстрадных подмостков — всюду должны мы видеть и слышать ленинградских поэтов, стихи о Сталинской Конституции, о выборах в Верховный Совет СССР.

—Нам, прозаикам,—говорят **М. Слонимский, Н. Брыкин** и др., — надо стать участниками предвыборной работы на заводах, фабриках, в колхозах, вузах. Многие ленинградские писатели путешествовали по союзным республикам, они должны рассказать на предвыборных собраниях о грандиозных достижениях страны социализма, о великой дружбе народов Советского Союза, о замечательных победах ленинско-сталинской национальной политики.

Писатели должны выступать на собраниях и как авторы произведений о нашей социалистической родине, о самой демократической в мире Сталинской Конституции и установленной ею самой демократической избирательной системе.

От писателей ждут рассказов и очерков и о самых собраниях советских избирателей—эти собрания несомненно дадут много разнообразных волнующих тем.

Правление ЛенССП одобрило инициативу поэтической секции, которая для разработки конкретной программы участия поэтов в избирательной кампании созывает совещание с участием представителей редакций газет и журналов, издательств, художественных организаций и т. д.

Такое же совещание проведет и секция прозаиков.

Секретариату правления поручено организовать выступления писателей на предвыборных собраниях, прикрепить писателей к заводским и районным газетам и осуществить другие мероприятия, намеченные правлением.

Группа писателей (**П. Лукницкий, Е. Попонская, А. Чистяков** и др.) в ближайшие дни выезжает в районы области.

★

Правление ЛенССП, Дом писателя им. Маяковского и группком писателей проводят три писательских конференции по изучению Сталинской Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР».

Первая конференция состоится 21 октября.

ЮР.

Ленинград. (По телефону)

В ЕДИНЕНИИ СО ВСЕМ НАРОДОМ

Взволнованно-радостно встретила писательская масса Киева правительственное сообщение.

На об'единенном митинге работников литературы выступавшие призывали украинских писателей принять активное участие в избирательной кампании, показать в художественных произведениях тот огромный энтузиазм, которым охвачены все народы СССР.

Павло Тычина с волнением говорит:

— Сколько светлых умов билось над тем, чтобы дать людям счастливую жизнь, но они не могли уничтожить эксплоатации человека человеком. Наша действительность демонстрирует, что только у нас, в радостной нашей стране, где социализм стал фактом, это возможно и достигнуто. — Выбирая, — продолжает П. Тычина, — мы должны знать, что избранный нами человек — пером или молотом — будет еще больше улучшать нашу жизнь. В то же время мы должны быть очень зорки,—чтобы не проникло никакое троцкистско-бухаринское отребье.

— Мы сильны своим могуществом, и ни одна фашистская страна не посмеет напасть на нас, — говорит писатель **Иван Ле.** Мы будем и дальше уничтожать остатки мерзких гадов.

Избирательная кампания должна проходить в единении всех писателей с народом. Мы должны изобразить лучших людей страны, проявляющих себя во всех областях.

По окончании митинга писатели Киева присоединились к общегородской демонстрации трудящихся столицы и направились на стадион им. Ежова, где состоялся многотысячный митинг.

И. МАРКУС.

Киев. (По телефону).

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

У прилавка с предвыборной литературой в Первом образцовом магазине Могиза.

НАША РОДИНА

Избирательная кампания началась. Выборы по Сталинской Конституции — самая массовая, самая большая политическая кампания за все годы революции. К выборам готовятся труженики социализма на всем необ'ятном просторе нашей страны: от суровой ледяной Арктики до жарких песков Туркмении, от берегов Балтийского моря и до Тихого океана. Родина подводит итог борьбы, строительства под водительством большевистской партии, Сталинского Центрального Комитета.

Стране социализма, пути, который она прошла, ее победам, ее могуществу, светлой, радостной жизни, которой живет вся великая семья советских народов — этому посвящена вышедшая на-днях книга «Наша родина».

Наша страна — самая большая из всех стран мира, она в два с половиной раза превосходит Соединенные Штаты Америки, в 40 раз больше Германии. По своим природным богатствам, по площади лесов и черноземных степей СССР не имеет себе равных в мире. Мировое первенство принадлежит нам по запасам водной энергии, нефти, торфа. У нас есть в изобилии все: уголь и железо, медь и свинец, мрамор и апатиты, имеются достаточные запасы всех полезных ископаемых, какие только существуют на земном шаре.

На нашу страну приходится $^1/_{12}$ всего населения мира, причем по количеству населения СССР уступает только Китаю и английской колонии — Индии. Прирост населения у нас примерно впятеро выше, чем в капиталистических странах Западной Европы.

Будучи на первом месте среди крупных капиталистических стран мира по занимаемому пространству и по количеству населения, царская Россия по своему промышленному развитию стояла на последнем месте. Россия была во всем зависима от иностранного капитала, вся ее промышленность больше чем наполовину была оборудована заграничными машинами. Консервы, скажем, можно было производить из собственной рыбы и собственных овощей, а жесть и олово для консервных банок надо было выписывать из-за границы.

Недра русской земли таили несметные залежи руд — железа, меди, олова, золота и разных редких металлов, но ввозили металлы из-за границы. Автомобилей, велосипедов, алюминия и каучука Россия у себя не производила, покупала все это за границей. За отсталость царскую Россию били все, кому не лень.

Покончить с хозяйственной и технической отсталостью, унаследованной от царской России, восстановить народное хозяйство, пришедшее в упадок за годы империалистической и гражданской войны, поднять промышленность — задача, над разрешением которой с большевистским упорством работали труженики нашей социалистической отчизны. И результат налицо. Уже в 1926 году советская промышленность превысила выпуск продукции 1913 года.

Построено в основном прекрасное и величественное здание социализма, построено социалистическое общество, общество без эксплоатации и угнетения.

В настоящее время наша промышленность производит вдесятеро больше, чем до войны, причем три четверти всей промышленной продукции сейчас дают заводы и фабрики, построенные советской властью. Только три завода — Магнитогорский, Кузнецкий и Макеевский — выплавили за 1936 год столько, сколько давала в год вся металлургическая промышленность старой России. Уже в 1935 году СССР занял первое место в Европе и второе в мире по выпуску промышленной продукции. По выплавке чугуна и машиностроению, по выпуску тракторов и производству суперфосфата мы на первом месте в Европе, по строительству комбайнов — на первом месте в мире.

А наши успехи по переделке прежней «лапотной», «сермяжной» Руси, по укреплению нового колхозного строя! «Колхозный путь — это и есть путь социализма в деревне». Этот путь указали трудящимся крестьянам Ленин и Сталин.

Разгромив троцкистских последышей, правых предателей, агентов иностранных разведок, ликвидировав кулачество, как класс, большевистская партия и советская власть обеспечили победу колхозного строя. Советская деревня бодро шагает к счастливой, зажиточной колхозной жизни. 356.000 тракторов работают на колхозных полях. До революции Россия собирала в среднем до 5 миллиардов пудов хлеба. Крестьяне жили впроголодь, умирали с голода. Урожай этого года по всем расчетам подходит к 7 миллиардам пудов. Большое количество хлеба, мяса, овощей получит колхозник на трудодень, так что его потребности будут покрыты с лихвой.

На базе роста промышленности, укрепления колхозов невиданно поднялась культура, зажиточность трудящегося нашей страны. По-новому живет наша родина. Во весь свой могучий рост поднялся человек социалистического общества. Это стахановец в промышленности, в сельском хозяйстве, дающий невиданную производительность у станка, на тракторе, в колхозной бригаде, это стахановец-боец, с успехом овладевающий самой передовой и совершенной техникой, которой вооружила страна нашу славную, доблестную Красную Армию.

С неослабевающим интересом от первой и до последней страницы читаешь эту умную, прекрасную книгу. Наша родина! Одиннадцать братских республик, дружная многонациональная семья народов, руководимая великим гением человечества, к которому со словами благодарности и счастья обращаются народные массы:

...Мы эту песню поем горделиво
И славим величие сталинских лет, —
О жизни поем мы прекрасной, счастливой,
О радости наших великих побед.
От края до края, по горным вершинам,
Где свой разговор самолеты ведут,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню народы поют.

Наша родина, ее люди требуют новых и новых книг, стихов, песен, достойных сталинской эпохи. К сожалению, наши писатели, поэты по-настоящему еще не взялись за дело показа всей полнокровной и радостной жизни, которой живут народы страны социализма. Можно назвать прекрасные книжки писателя М. Ильина «Рассказ о великом плане», «Горы и люди» и наконец новую его книгу «О гербах и народах». Но ведь этого мало. В связи с выходом хорошей и доступной книги «Наша родина», в преддверии выборов по Сталинской Конституции, вновь и вновь надо обратить к нашим писателям и поэтам призыв:

— Давайте по-большевистски работать над созданием книг о социалистической родине и народах, ее населяющих, о новом, социалистическом человеке.

Этих книг с нетерпением ждет советский читатель!

Л. СЕЛЕЗНЕВ.

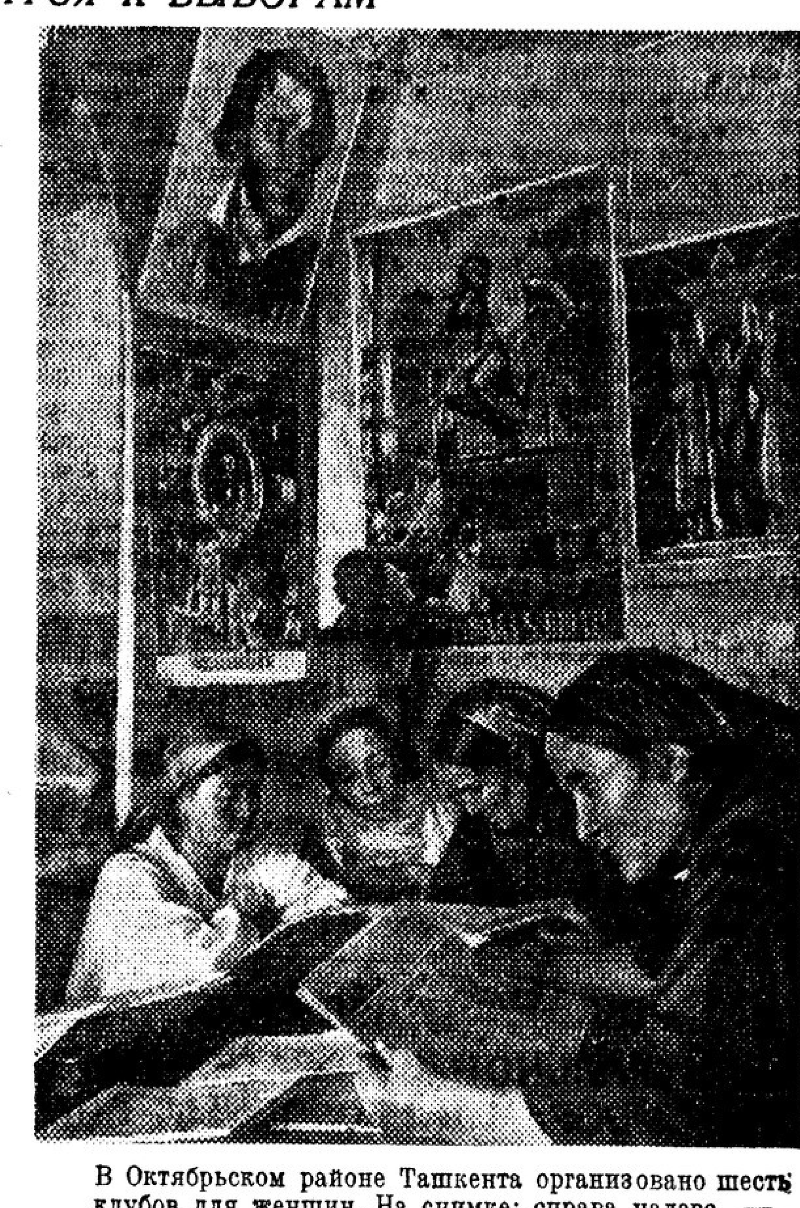
«Наша родина» Под редакцией А. Стецкого, С. Ингулова и Н. Баранского. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, тир. 4.000.000, цена 85 к.

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

Секретарь Сталинского райсовета в Баку **И. С. Кичаев** (слева) и работник 8-го избирательного участка **А. Газарьян** проверяют материалы к составлению списков избирателей.

(Союзфото).

В Октябрьском районе Ташкента организовано шесть клубов для женщин. На снимке: справа налево — домохозяйки тт. **Курбанова, Атаманова, Артыпова** и **Акбарова** читают материалы по выборам в клубе им. 1 мая.

(Союзфото).

Писатели готовятся к выборам в Верховный Совет СССР

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

На выборы, в массы!

20 лет тому назад мы, большевики, шли в бои за революцию. Балтийский флот и армия посылали своих делегатов на 2-й с'езд советов в Петроград. Дав каждому из них по две банки консервов, по второму нагану и сотне патронов, мы категорически требовали:

— До тех пор обратно не возвращайтесь, пока не сообщите по прямому проводу, что все в полном порядке: власть у Советов.

Это было время, когда голосовать приходилось оружием. Оружие было казенным. Казну надо было сделать нашей.

Период с 25 сентября по 8 октября был тяжелым периодом. Родзянко тогда кричал, что лучше погиб бы Балтийский флот и пал бы Петроград, но лишь бы немцами был восстановлен порядок. В те дни германский флот обрушился на нас. Одиннадцать немецких линейных кораблей выступили против двух наших: «Славы» и «Гражданина». Девять крейсеров — против трех наших. Сорок семь миноносцев — против наших двадцати шести. Двести шесть вспомогательных судов — против немногих наших плохо оснащенных тральщиков.

На гельсингфорском с'езде в первые дни октября балтийские матросы с дрожью в голосе читали последнее воззвание: «В час, когда звучит сигнал боя и смерти...» Моряки клялись биться с интервентами, и стены дрожали от возгласов: «Да здравствует власть советов!» В зале раздались проклятия временному правительству и русскому Бонапарту — Керенскому...

Флот дрался... Это был за бои!

Родина и ее сыны проверялись в смертельном огне.

Если бы немцы ворвались в Финский залив, в Петроград, делу революции был бы нанесен смертельный удар.

Предатели пытались эвакуировать тылы, начать панику и задавить нас. Но большевики отстояли подступы к Петрограду и не поддались провокациям. Враг был отброшен.

В Балтийском флоте было в 1917 году 105 тысяч человек. Балтийский флот голосовал за большевиков. В избирательном списке тогда первым кандидатом был Ленин.

24 октября (6 ноября) появились два документа. Письмо товарища Ленина и передовая статья товарища Сталина. Это были два боевых выступления. Два мощных голоса говорили в унисон. Статья Сталина называлась — «Что нам нужно?» — Нам нужна власть, нам нужен мир, нужен хлеб, нужны права. Статья была коротка — всего 150—160 строк. Это был сигнал партии.

25 октября (7 ноября) мы пошли в бой. Через сутки власть принадлежала Советам.

Когда вспоминаешь все это, — вновь закипает кровь... Чувствуешь, как мы выросли, видишь, с чем мы теперь пойдем на выборы и как много у нас сделано.

Нелегко было отстоять нашу революцию. Немцы обрушились на нас в 18-м году. Они заняли порты северо-западной России, Нарву и Псковскую губернию. Их командиты, войдя в город, приказывали брать отпечатки пальцев у **каждого русского** (приказ генерала графа Кирхбаха в Пскове в феврале 1918 г). Для них каждый русский был преступником. Они расстреливали и истязали людей так же точно, как и в XII веке тевтонские рыцари распинали псковичей и новгородцев на стенах Детинца.

Таков наш враг!

У нас достаточно много противников и сейчас. В наши ряды пробираются белые офицеры, старые провокаторы, шпионы... Кучка губернских вельмож и помпадуров «вожделала» старой жизни... Это люди, продававшие нас и наше правительство. Сейчас не из'яли. Нам ли, огромному народу, бояться этих прохвостов? Есть поговорка: «Москва молодцов видала»... За ряд веков народ одолевал и не таких врагов, как сегодняшнее троцкистское подполье. Раздавим мерзавцев. Не мешать стране!

Мы, писатели, — актив, который на выборах пойдет к рабочим и крестьянам, к бойцам армии и флота. Агитировать словом и делом в дни выборов в Верховный Совет! Мы должны дать каждому трудящемуся четкий ответ по всем вопросам, его интересующим. Это — большая и ответственная задача.

К урнам придет до ста миллионов выборщиков. Весь мир будет вести счет этим голосам. Как реагировала на наши выборы английская печать? В одной английской газете была дана шапка: «Девяносто миллионов русских будут говорить Сталину: «Да или нет».

Мир будет подсчитывать поданные в СССР голоса. Наши враги будут подсматривать, какие кандидаты будут зачеркнуты в бюллетенях, на какие «резервы» они еще могут рассчитывать в нашей стране. Это надо помнить. Мы пойдем в гущу масс. Наше слово должно быть сильным и живым. Стомиллионное советское «да» коммунистической партии! Громовое «да», которое прокатилось бы по всему миру и вызвало бы содрогание у врага.

Мы должны пойти в гущу трудящихся и работать с максимальным напряжением. Агитируй всюду — наш лозунг. На выборы, товарищи!

Советский народ ждет 12 декабря. Он скажет:

Сто миллионов «да» Сталину!

Сто миллионов «да» испытанным большевикам!

А. БАРТО

МЫ СПОКОЙНЫ ЗА СВОИХ ДЕТЕЙ

Мы привыкли к тому, что в нашей стране каждый имеет право на труд, на отдых; к тому, что у нас есть бесплатная медицинская помощь, охрана прав матери и ребенка и социальное страхование. Нам кажется естественным, что в нашей стране нет безработных, что наша молодежь принимает участие в управлении государством. Мы к этому привыкли и считаем это закономерным.

И только сравнивая нашу жизнь с тем, что происходит в других странах, мы понимаем, что часто даже недооцениваем того, что дала нам революция.

Делегация советских писателей была на антифашистском конгрессе.

Как-то утром в Париже я услышала голос певца и вышла на балкон. Напротив, на тротуаре, стоял молодой человек, на вид здоровый, прилично одетый. Он пел. Я обратилась к Мих. Кольцову: какие, говорю, французы веселые. Смотрите, шел, а потом остановился и поет.

Мих. Кольцов ответил коротко: дайте ему пять франков, — это безработный.

Таких безработных в Париже много.

Молодая уборщица в гостинице жалуется нам на боль в ноге.

— А вы обращались к врачу? — спрашиваем мы.

— О! — восклицает она, — доктор — это слишком дорогое удовольствие!

На улицах Парижа совсем не видно детей. Мне показалось это особенно странным. На московских улицах я привыкла видеть веселых, жизнерадостных ребят. У нас в трамвае уже восемь детских мест.

Я спросила французов: Где же ваши дети? — «Дети в парках» — ответили мне.

Я поехала в парк. В большом парке детей было столько, сколько у нас на бульваре вокруг памятника Пушкину.

Неверно, что французы не хотят иметь детей. Мне говорила одна француженка: «Я боюсь иметь детей, но не потому, что я не хочу обременять себя. Я боюсь, что если я умру, мой ребенок останется сиротой. Кто поможет ему пробить себе дорогу в жизнь».

У нас в Советском Союзе ни у кого не может возникнуть такой тревоги. Даже слово «сирота» у нас вышло из употребления. Если родители умирают, наши дети не остаются сиротами. О них заботится, их любит, их воспитывает наша страна. Мы спокойны за своих детей.

Наша родина пользуется огромным авторитетом в Европе. Нужно было видеть, какой успех имеет советский павильон на Всемирной выставке.

Советская кинохроника идет под сплошные аплодисменты зрителей.

Огромным авторитетом и уважением пользовались там наши летчики.

Когда Валерий Чкалов и его товарищи входили в магазин, им вслед повторяли восторженно:

«Советские авиаторы!»

«Бесстрашные советские летчики!»

Сколько раз мне приходилось слышать в Париже:

«О, вы — советская женщина!» Это звучало как: о, вы — счастливая женщина!

В Испании делегацию советских писателей везде встречали с огромной радостью и любовью. Там особенно часто мы слышали возгласы: «Вива Руссия, вива Сталин!»

За границей мне стало особенно понятно, почему каждая делегация, возвращающаяся в Союз, с чувством такой огромной радости под'езжает к родному Негорелому.

СЕМЕН КИРСАНОВ

За конкретную работу!

Предстоящие выборы в Верховный Совет СССР — это исключительно важное событие в жизни нашей родины — заставляют нас, писателей и поэтов, всерьез подумать и об участии нашем в предвыборной работе и о многих наших литературных делах вообще.

Советская литература унаследовала от русской классической литературы одно драгоценное качество, которое некоторые темные литературные дельцы и диверсанты пытались унизить и уничтожить. Это качество: писатель — общественный деятель.

Общественная деятельность писателя, горячее желание советского поэта участвовать своим пером в построении социализма было бельмом на глазу у тех, кому социализм был ненавистен, и потому враги с такой яростью и хитростью при помощи всяческих литтеорий оттирали писателя и поэта от живых и актуальных тем советской действительности.

Писатель — общественный деятель! Но деятельность эта не в том, как это теперь стало модно, писать «отклики» и обещания. Бывает и так, что эти «отклики» на события оказываются отписками от них.

Не только «отклика» или «вызова» ждет от нас читатель, а литературного **дела** — произведений, одновременных и созвучных с делами социалистической страны.

Мы помним много стихов Маяковского, которые были не только откликами на то или иное событие, а были и остаются смелыми, горячими политическими акциями гражданина-поэта.

Я недавно прочел «Разговор с товарищем Лениным» Маяковского. Там есть такие строки:

...очень
много разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг.
Нету
им
ни числа
ни клички
целая
лента типов
тянется.
Кулаки и волокитчики,
подхалимы,
сектанты
и пьяницы —
ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь
и значках нагрудных...
мы их
всех,
конешно, скрутим,
но всех
скрутить
ужасно трудно.

Читаешь это стихотворение и кажется, что оно написано буквально вчера. Читаешь теперь и радуешься, что работа по скручиванию мерзавцев идет с достаточным размахом. Читаешь эти стихи и радуешься их смелости и прямоте. А у нас писатели часто не касаются некоторых тем только потому, что это-де «опасные темы». Нет, товарищи, для писателя и поэта, преданного делу социализма и родине, нет опасных тем в Советской стране.

Нам предстоит конкретная предвыборная агитационно-пропагандистская работа. Нам нужно будет разоблачать и показывать хитрые уловки еще не скрученных волокитчиков, кулаков и подхалимов и зашевелившихся во многих углах сектантов, попов бритых и безрясых.

Я вот читал и думал: ну, какие у нас, в век авиации, в стране большевиков, стахановцев, атеистов, в 1937 году — попы?..

Но вот, будучи в командировке в Одессе, в сентябре, мне пришлось познакомиться с очень хитроумной агитработой попов и сектантов.

В Одессе баптисты собирали молодежь, читали «Как закалялась сталь» Н. Островского, проводили аналогии между страданиями Островского и страданиями Иисуса Христа. А отсюда рукой подать к душеспасительным псалмам и затем к кое-каким «беседам».

Как видно, и нам стоило бы заняться и безбожной пропагандой.

Или такой серьезный факт. Одесса — украинский город и окружена украинскими селами. Но в самом городе многие тысячи русских граждан, родной язык которых — русский. А газеты на русском языке нет. Само собой разумеется, что никакая агитация и пропаганда не получит должного размаха среди русской части одесского населения, если не будет вестись на родном языке. Это надо, и как можно скорее, исправить.

Здесь писатель должен не только сигнализировать, он, заинтересованный в победе партии, должен настаивать, убеждать, говорить смело и открыто!

Мы, писатели и поэты, примем участие в выборах не только подачей своих бюллетеней за достойных товарищей, — наше участие должно выразиться в наших стихах, фельетонах, песнях, очерках, рассказах, в помощи партии живым литературным словом.

Я обязательно буду писать конкретные убедительные стихи о кандидатах, в избрании которых я, советский избиратель, заинтересован.

И прежде всего я напишу стихи о нашем первом кандидате, именем которого названа в народе наша Конституция, о кандидате, которому мы отдадим не только наши голоса в бюллетенях, но и голоса наших стихов и наши жизни.

ЛЕВ КАССИЛЬ

ИСТОРИЯ СПРОСИТ

Я с моими спутниками, плывя в Средиземном море на теплоходе «Комсомол», слушал речь товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном с'езде Советов. В кают-компании нашего корабля голос, близкий, знакомый, произнес: «Товарищи!..»

Это товарищ Сталин начал свою речь. Мы услышали его голос. Никогда не забуду, как звучали на корабле исторические слова о праве на труд, на отдых, на образование, о всеобщем, прямом, равном избирательном праве при тайном голосовании.

Наш радист бегал по кораблю и разносил слова товарища Сталина тем, кто не мог, неся вахту, слышать его голос.

Мы подняли на кормовом флагштоке флаг СССР, утвержденный 144 статьей Сталинской Конституции— размером один на два.

Проплавать под этим флагом хотя бы недолго, хотя бы корреспондентом — это большая честь. Это — воспоминание, которое будет жить всегда со мною до последнего дня.

Мы видели, как салютовали нам встречные пароходы. Мы видели, как опускались флаги на испанских судах. Когда проходили мимо германского корабля, мы слышали, как грузчики устроили нам овацию и кричали: «Вива Руссия, вива Сталин!».

Старый испанский профессор права принес нашей уборщице Тане коробку с духами и сказал:

«Я принес этот подарок вашей женщине. Молодые люди, вы не знаете, в какой стране вы живете».

Он топал ногами и кричал, что мы не знаем, в какой стране мы живем, так как мы слишком молоды. Он сказал, что мудрость и величие законов, которые существуют в Советском Союзе, он воспринимает лучше, чем мы, так как он — профессор права.

История спросит: как вы воспользовались этими замечательными правами, предоставленными вам?

У нас есть права граждан, есть права и обязанности советских писателей. Нас называют мастерами слова, нам даны для агитации, для нашей работы такие слова, как демократия, республика, причем им возвращен полный блеск, полная чистота, они освобождены от той пошлости, которыми их успели загрязнить в капиталистических странах. Это слова, которыми мы должны насытить наши произведения. Мы должны работать на всех участках, во всех пунктах. Надо притти к людям и подготовить их, чтобы они эмоционально чувствовали те права, ту гордость, о которой так правильно писал Маяковский.

Вот придет день, когда избиратель, держа бюллетень, останется наедине со своей гражданской совестью. Мы должны ему сказать:

— Страна верит тебе, страна уверена в том, что ты выберешь достойного. Голосуй!

Надо это рассказать людям.

Работаем же мы на этом участке пока еще очень мало. А люди расспрашивают и ждут ответов на свои вопросы.

Наши советские ребята очень ревниво будут оберегать все пункты и параграфы избирательного закона. Недавно одна девочка в школе выступила и предложила осуществить ребячий контроль у избирательных ящиков. Она требовала, чтобы в контроле обязательно участвовали ребята до 3-го класса, а старшим нельзя: «они выше ростом и могут заглянуть и увидеть, что пишут».

Я вчера беседовал с одной очень уважаемой писательницей, которая чудовищно путает все пункты избирательного закона.

Нечего тут важничать или стесняться. Писателю надо пойти в кружки и изучить избирательный закон.

Я хочу верить, что среди избранников сердца народа будут и наши писатели, которым доверяют высокое звание члена Верховного Совета Союза ССР.

Это будет победа всех нас. Это будет почетное признание нашей литературы. Но это признание надо заработать, и за эту работу надо приниматься сейчас.

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

Парторг архангельского Дома крестьянина **А. А. Смирнова** (у схемы) проводит с работниками Дома крестьянина очередное занятие по изучению нового избирательного закона. (Союзфото).

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

Преподаватель 1-й Тбилисской средней школы тов. **Давитапя** (слева) перед уроком беседует с учениками старших классов о Конституции Союза ССР. (Союзфото).

Вс. Вишневский, С. Вашенцев, Ал. Исбах

Оборонные писатели, вперед!

15 октября секретариат Союза советских писателей и редакция журнала «Знамя» созывают актив оборонных писателей. Нужно обсудить насущные вопросы оборонной литературы, причины ее отставания. Нужно вскрыть методы работы врагов, которые вели борьбу с оборонной литературой. Эйдеманы и компания стремились всячески и под всякими предлогами подорвать интерес писателей к оборонной теме, отвести писателей от этой темы.

Писателям нужно возродить оборонную комиссию при Союзе советских писателей. Неизвестно, по каким причинам она была упразднена. Нет никакого сомнения в том, что оборонные комиссии должны быть немедленно созданы во всех отделениях ССП и должны состоять из знающих, авторитетных писателей. К участию в работе необходимо привлечь представителей ПУР. Они помогут связать творчество писателей с актуальными задачами и жизнью Красной Армии и Флота.

Кадры оборонных писателей у нас есть. Они крепки, проверены, они хотят работать над оборонной темой. Но надо сказать прямо—враги сумели все-таки кое-что сделать, чтобы отвести ряд писателей от оборонной темы. Всяческими помехами, всяческими ухищрениями они разбивали интерес писателей к историко-военной теме, к народному эпосу, к жизни армии.

Не случайно устами шпиона Эйдемана и других людей протаскивалась мысль—зачем нам особая оборонная художественная литература, каждое-де произведение и без того оборонно и т. д.

Не случайно враги пытались опорочить почти каждую оборонную книгу и пьесу, особенно, если они касались вопросов современности или вопросов гражданской войны.

Так было с книгой Л. Рубинштейна «Тропа самураев», успех которой пытался сорвать ныне разоблаченный Ким, поместив разгромную и издевательскую статейку в «Вечерней Москве».

Так пытались затереть книгу С. Вашенцева «Канны», которую хорошо встретили читатели и литературная критика. Расстрелянный шпион Б. Фельдман начал сразу же после появления книги агитировать против нее. Почему? Потому, очевидно, что книга говорит о культурном, инициативном, талантливом командире.

Не случайно чуть не полтора года мучился П. Павленко с романом «На Востоке» прежде, чем удалось его напечатать. Враги вроде Гамарника всячески старались приложить грязную руку к книге, задержать издание, выхолостить, покалечить книгу. И когда читатель, читая книгу т. Павленко, видит какие-то провалы в ней, схематические места, пусть он попросит т. Павленко рассказать, кто постарался над тем, чтобы были эти провалы, чтобы схема заменяла жизнь.

Не случайно сначала встречена была в штыки книга Н. Вирта «Одиночество».

Не случайно Вс. Вишневскому приходилось с боем отстаивать каждую свою книгу, каждую свою пьесу, каждый сценарий. Враги пытались сорвать в ЦТКА «Первую Конную», запрещали «Оптимистическую трагедию» и сценарий «Мы из Кронштадта».

Ведь все это—оборонная литература, все это орудие защиты нашей родины. Враги стремились выбить его из рук писателей. Примеры их работы можно было бы умножить.

Пытаясь ослабить и нейтрализовать оборонную художественную литературу, враги в то же время поднимали на щит книги типа «Болшевцы», в которых воспевался матерой шпион Ягода, в которых воспевались и другие враги и шпионы. Такого сорта «литературой» пытались кормить читателя.

Какими методами пользовались враги?

Методы были самые разнообразные. Затягивание выхода книги, выматывание нервов из писателя, наглое хозяйничанье в книге или пьесе. Опорочивание книг по всякому пустяковому поводу. Например, стоит авторитетно сказать о какой-нибудь книге (особенно о современной Красной Армии), что такое-то место не совпадает с Уставом — и все! На основании маленькой ошибки, не играющей никакой роли в существе книги, опорочивается вся книга. Самый легкий и безобидный способ уничтожения книги!

Враги прибегали и к активным воздействиям через критику. То в одном, то в другом журнале или на дискуссиях, например, по поводу исторического романа, враги наносили удары то одному, то другому произведению. На авербаховских квартирах бывшие белогвардейцы и польские легионеры—Мирские и Бруно Ясенские—заготовляли целые платформы, которые должны были ориентировать критиков. (Достаточно показательна история со статьей Мирского о Фадееве). Такая же работа проделывалась и в Ленинграде, и в Киеве сволочной компанией троцкистов, зиновьевцев, петлюровцев.

Враги закрывали все двери для проникновения широкой исторической темы в литературу. Для них история была мертвой схемой. Народ они считали нацией Обломовых. В их поганой вредительской критике не существовало великой истории национальной литературы. Для них никогда не было Новгорода и Пскова с их бессмертными летописями, песнями, былинами. Для них не существовала изумительная русская письменность, создававшая могучие эпические произведения. Они не знали, а если и знали, то старались стереть всякую память о замечательных документах периода борьбы с тевтонами, с монгольским игом, с польской шляхтой.

Более чем тысячевековая история русской литературы не существовала для этой банды. Они годами суесловили, переворачивая всякие измы, громоздя схоластические построения, калеча и уродуя историю, литературу, народный дух. Это были невежественные и злобные типы, для которых не существовало никогда поэзии, красоты и прелести народной песни. Когда вся эта шайка говорила о литературе, ее мысли, слова, терминология не выползали дальше ее куцого и бедного бытия. Они ползали на крошечном участочке: «от сотворения РАПП до сего дня». Если сейчас перечитать их «труды», ужас охватит каждого.

Эти люди не знали войны, бойцов, армии. Они не знали души солдата, матроса, красноармейца. Они не знали гигантской славной боевой истории нашего народа. И когда писатель, человек с настоящим сердцем, человек, выросший в народе, хотел подойти к исторической и военной теме, его отпугивали, на него кричали, на него лгали... Когда писатель все-таки упорно шел к этой теме, ему говорили угрожающе: об армии писать нельзя, тема секретная. Писатель говорил: писать нужно, партия, народ ждут наших книг. Тогда ему говорили: произведения создаются на основе конфликтов, а в военной среде конфликтов нет. Когда писатель говорил, что военная тема — и есть тема величайших всемирных конфликтов, враги придумывали какой-нибудь новый ход.

Когда враги пробирались в редакции журналов и газет, они со злорадством превращали оборонную тему в хроникерский уголок. Там печатали какие-нибудь беспомощные заметки или казенные отписки. Нехотя, со скрипом они вытаскивали военную тему к 23 февраля, но и тут ухитрялись что-нибудь испакостить, искалечить.

Мы еще не все проверили, что наделали эти люди. Пусть каждый писатель глубочайшим образом проверит свои мысли, наблюдения, относящиеся к проблематике войны, к проблематике оборонной литературы. Всю методологию врага надо обнажить беспощадно. В литературу должна хлынуть здоровая живительная струя народного эпоса, народной истории, великих войн России, Украины, Грузии... На территории нашей земли многие века происходили поразительнейшие события. Наш народ пытались сдавить со всех сторон. Были нашествия кочевников, тевтонов, польской шляхты, монгол.

Это была многовековая борьба на кольцевом фронте. Россия веками отбивалась, окруженная врагами **со всех сторон**. Историкам и писателям нужно еще изучать и углубляться в события V века, когда наш народ еще в зачаточном своем состоянии сталкивался и отбрасывал готов. Надо воскресить жизнь, деяния и подвиги Киевской Руси. Надо воскресить и воспеть дела Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы. Надо заново перечитать всю историю, не доверяясь материалам XIX века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологию, историографию.

Надо преодолевать традицию Карамзина, давление школы Покровского. Надо проделать заново огромнейшую работу. Надо двинуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Куликово поле, к Бородину, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Черное море, на Кавказ. Надо исходить по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собрать малейшие следы, внимательно работать с этнографами, в музеях, записывать песни, сказания.

Надо извлечь с запада и с востока все, что было записано и сказано о нашей стране. Надо создавать многотомную историю России и народов СССР—для всего мира. Делу этому надо отдавать всю жизнь. Надо считать, что наши писатели и историки лишь подошли к осознанию всей этой задачи. Произведения, сделанные советскими писателями, — лишь начало огромной историко-литературной общенародной задачи.

Враги пропагандировали идею, будто нечего больше писать о гражданской войне. Все, якобы, уже рассказано. Надо разбить эти вражеские «теории».

Гражданская война, ее герои,—огромнейшая тема на многие и многие годы. Мы только приступили к этой теме. Образ фурмановского «Чапаева» стоит перед нами, как яркий пример.

Далеко не благополучно с показом современной Красной Армии. Эта тема все время находилась в загоне. Враги старались отпугнуть от нее писателей. Жизнь современной Красной Армии должна быть показана во всей ее сложности и многогранности.

Особо интересна и важна тема о будущих войнах.

Оборонная литература в нашем народе рождена более тысячелетия тому назад. Оборонная литература—это не административная кличка, не название какого-то сектора ССП, оборонная литература—это народная слава. Оборонная литература России началась с былин — о славе богатырей. Эта литература — страстное слово о полку Игоревом. Это — эпос веков, в который ныне вплетаются имена героев гражданской войны.

Нашу гордость—оборонную литературу, действие которой мы видим сейчас в СССР и разных странах мира, враги хотели уничтожить. Но коса нашла на камень. Кадровые оборонные писатели с честью выдержали этот натиск, не отступили, не рассеялись, не рассыпались, а ответили ударом. Враги здесь здорово просчитались.

Основные кадры оборонных писателей как были, так и остались. Они сгруппировались вокруг журнала «Знамя».

Сейчас наша задача—всемерно расширить эти кадры, раз'яснить писателям, что тема защиты родины—самая почетная тема. Что читатель простит им случайные мелкие ошибки в Уставе, если их произведения в целом — честные, искренние, полезные, продиктованные любовью к социалистическому отечеству.

Не всегда так поступают наши критики, даже те из них, кто может быть побуждаемы самыми лучшими намерениями.

В номере «Советского искусства» от 5/X в заметке о пьесе Л. Леонова «Половчанские сады» читатель т. Болоцкий, между прочим, написал:

«И в третьих, в Красной Армии командир говорит не «ступайте», а «исполняйте». (Речь идет о том, что в пьесе Леонова командир, выслушав ординарца, сказал ему: «ступайте»).

Не вдаваясь в вопрос о том, хорошая эта пьеса или плохая, мы только хотим отметить, что такого сорта «критика» способна только отпугнуть писателя.

Болоцкий не понимает, что командир не попугай и не манекен, он может сказать и «ступайте» и «идите», и даже «ступай» и «иди», хотя по правилам и надо говорить на «вы» и «исполняйте». В жизни, в бою, на маневрах командиры говорят по-разному.

В «Красной звезде» от 9/X в заметке «Памятные встречи» мы читаем следующие строки:

«Сдерживая волнение, в каюту наркома входит краснофлотец Редняк — линкоровский кок. В его руках проба. Редняк докладывает:

— Товарищ народный комиссар обороны СССР. Проба ужина с общего камбуза принесена. Дежурный кок Редняк.

— Здравствуйте, товарищ Редняк,—говорит нарком. Затем спрашивает:

— Откуда родом?

— Из Донецкой области, товарищ нарком.

— Земляки, значит?

Ужин нравится наркому. Ничего не скажешь, вкусный, очень вкусный ужин.

— Ну, что же, тов. Редняк, приготовлено хорошо».

С точки зрения «механических» критиков, Климентий Ефремович трижды нарушил правила.

«Механический» критик сказал бы, что, во-первых, нельзя называть кока по фамилии, во-вторых, нельзя обращаться к нему с частными вопросами и, в третьих, надо сказать «исполняйте», а не «ну, что же, тов. Редняк, приготовлено хорошо».

Но это с точки зрения «механического» критика. А в жизни это бывает иначе. Суворов умел с солдатами находить простой человеческий язык. Кутузов тоже находил его. Наш маршал тем более знает этот простой человеческий язык в общении с красноармейцами. Пусть это и не нравится «механическим» критикам.

К счастью, «механических» критиков не много среди наших читателей. Читатель, и особенно читатель Красной Армии, — культурный, вдумчивый, серьезный. Он понимает, что литература не является дополнением или комментарием к Уставу.

С точки зрения какого-нибудь формалиста-уставника, например, «Война и мир» Л. Н. Толстого не выдерживает никакой критики.

Не критикуйте писателя поверхностно, по пустякам, а лучше помогите ему в его трудной и ответственной работе. Критика должна помочь писателю раскрыть человека Красной Армии во всей его сложности, полноте, а не во внешних формальных проявлениях.

Страна ждет от писателей настоящих оборонных художественных произведений.

Писатели обязаны дать их. Надо итти в военные части. Надо внедряться в историю войн. Надо вооружать наш народ книгами, пьесами, фильмами, мобилизующими миллионы.

В. ГОФФЕНШЕФЕР

Подлинный представитель советской литературы

Среди многочисленных писем, получаемых Шолоховым со всех концов нашей страны, есть немалое количество таких, в которых читатель нетерпеливо спрашивает о дальнейшей судьбе героя «Тихого Дона» Григория Мелехова. Только сейчас, почти через десять лет после написания первой книги «Тихого Дона», Шолохов заканчивает четвертую и последнюю книгу этого романа. С жадностью и наслаждением прочитываешь отрывки из этой книги, изредка появляющиеся в центральных газетах, потому что находишь в них новое, интересное, нужное.

Недавно в «Правде» была напечатана глава, в которой рассказывается о возвращении Пантелея Прокофьевича к себе на хутор после отступления красных и о том, как был привезен домой заболевший тифом Григорий. Трудно, конечно, по отрывку судить о том, что происходит на протяжении всего романа, но из рассказанного в этой главе вы можете заключить, например, об интересной эволюции старика Мелехова.

«Война, от которой бегал Пантелей Прокофьевич, сама пришла к нему во двор, оставив после себя безобразные следы разрушения». Пантелей Прокофьевич начинает смотреть на белоказачье движение, как на чужое ему дело. Запасшись справкой от фельдшера, он отлынивает от военной службы. Не сознаваясь себе и другим в перемене настроения, он внешне ведет себя этаким бодрым старым воякой, который ни на минуту не сомневается в том, что казаки побьют «мужиков» и возьмут Москву. Бесподобна по своему юмору сценка хвастовства Пантелея Прокофьевича перед Бесхлебновым, сомневающимся в успехе казаков и рассказавшим о том, как старые казаки «так умахивали от красных, что ни на одном полушубка не осталось, все с себя до живого тела на-бегу посымали и покидали».

Пантелей Прокофьевич мог ответить на это лишь общим рассуждением о соотношении полушубка и человеческой жизни и совершенно неуместной оптимистической сентенцией: «Дело не в полушубках, или, скажем, в зипунах, а в том, чтобы преуспешно неприятеля разить»... В своем наивно-хитроватом бахвальстве он разительно становится похожим на классических шолоховских смешных стариков — деда Сашку, Щукаря и других.

Но в данном случае под смешными чертами скрывается большая трагедия. Поведение Пантелея Прокофьевича и его самоутешительное бахвальство выступают как смешные стороны трагических колебаний трудового казачества, колебаний, вся мучительность и сложность которых воплощены в образе Григория Мелехова.

Это — вывод о целом, сделанный лишь на основании одного эпизода. Но читатель может рискнуть и сделать этот вывод, так как речь идет о романе писателя, у которого каждый эпизод и каждая строчка подчинены основному замыслу произведения и воплощают характерные черты действительности.

Когда вышла первая книга Шолохова, автору ее было двадцать лет. В предисловии к его «Донским рассказам» А. Серафимович написал: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое, чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды.

Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий, схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наихарактернейшие.

Все данные за то, что т. Шолохов развертывается в ценного писателя, — только учиться, только работать над каждой вещью, не торопиться».

С тех пор как была дана эта характеристика, Шолохов написал три книги «Тихого Дона» и одну книгу «Поднятой целины». Предсказание Серафимовича сбылось: Шолохов стал крупнейшим советским писателем, одним из талантливейших и лучших мастеров нашей литературы.

Не рекламная шумиха, создаваемая товарищами по «группе» (не было ее у Шолохова), и не трескучие декларации (не произносил их Шолохов) создали писателю ту популярность, которою он пользуется в нашей стране.

В момент появления первой книги «Тихого Дона» кое-кто пытался изобразить дело таким образом, что это произведение никакого отношения к социалистической литературе не имеет.

Отрицать талантливость «Тихого Дона» никак нельзя было. Но врагам надо было во что бы то ни стало снизить его значение. И вот предпринимается первый демарш: да, книга талантлива, но никакого отношения к советской литературе она не имеет, и даже написана она не Шолоховым. Номер не прошел. Открытая вражеская вылазка была разоблачена. Вслед за этим наступает новый период в судьбе и репутации романа и ее автора. «Тихий Дон» превозносят в печати. На сей раз Шолоховым занялись «налитпостовцы». Да, «Тихий Дон» талантливое произведение. Но Шолохов это не Киршон и не Чумандрин, и его роман не признается произведением пролетарской литературы. Шолохов зачислялся в ряды пролетарских писателей с оговоркой, что это не совсем «наш» писатель, что это «идеолог середнячества, идущего к пролетариату», что это «внутрирапповский попутчик» (была и такая категория) и т. д.

Партия разбила все эти гнилые троцкистские попытки дискредитировать крупнейшего советского писателя.

Уже в самом выборе материала действительности и в выборе метода раскрытия этого материала сказывается талантливость и смелость Шолохова как художника. Казачество и его судьбы в годы социалистической революции — вот что является предметом изображения в его произведениях. Об'ективное (в том духе, как определял материалистический об'ективизм Ленин в «Экономическом содержании народничества»), всестороннее раскрытие сущности происходящих событий, следование глубокому принципу, гласящему, что «тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось» (Энгельс), — вот что характеризует его подход к предмету изображения. Это пути наибольшего сопротивления, но и пути наибольших художественных достижений.

Михаил Шолохов

■ ■ ■

Наряду с специфическими чертами, свойственными людям тихого Дона, мы находим в произведениях Шолохова изображение событий, типических для деревни вообще. Классовое расслоение и жестокая борьба в деревне, в первые месяцы и годы революции, звериные страсти, разгоравшиеся вокруг собственности, политические раздоры в крестьянской семье — таковы мотивы ранних рассказов Шолохова. Они переходят затем в «Тихий Дон» — эту великолепную историческую эпопею, в которой на обширном материале дореволюционной жизни казачества и эпизодов гражданской войны на Дону раскрываются не только судьбы казаков, но и российского среднего крестьянства вообще. «Тихий Дон» является как бы развернутой предисторией к «Поднятой целине», где изображена классовая борьба в деревне на новом этапе, решительная схватка с кулачеством, коллективизация, изжитие собственнических чувств, нарастание новых отношений людей друг к другу и к вещам. Все это происходило не только в донских станицах и хуторах. Но на Дону эти события отличались особой остротой, ибо здесь они развивались в наиболее реакционной среде, в казачьей среде, в которой «идиотизм деревенской жизни» совмещался с вековыми сословными традициями.

В чрезвычайно колоритных тонах изобразил Шолохов в «Тихом Доне» старый казачий быт. Это было сделано не для «идеализации» старого быта и «любования» им (как это утверждали некоторые критики), а для того, чтобы лучше показать то, что в дальнейшем пришлось преодолевать на своем пути персонажам романа. Разве могли бы мы хорошо понять метания Григория, если бы не знали, не ощутили тех традиций, которые впитались в его кровь и мозг, которые калечили его и тянули назад?

Шаг за шагом разрушает Шолохов схематическое представление о «казаке с плеткой», шаг за шагом, не торопясь, рисует он разгоревшуюся на Дону классовую борьбу, в процессе которой Григорий начинает убеждаться в том, что ему с «господами» не по пути. Мы не знаем еще, как конкретно закончится четвертая книга романа. Но тенденция романа уже давно нашла свое разрешение в самой действительности. Трудовое казачество навсегда связало свою судьбу с судьбой социалистической родины. Тем более интересно сейчас читать и перечитывать «Тихий Дон», тем с большим нетерпением ждем мы последней книги.

Тем с большим интересом перечитываешь сейчас «Поднятую целину», в которой рассказывается о событиях, произошедших на Дону через десять лет после событий, описанных в «Тихом Доне». Шолохов как-то жаловался на то, что, изображая по горячим следам великие события 1930 года, он не успевал за ними. События его опережали. Действительно, это так. Но, несмотря на это, «Поднятая целина» никоим образом не устарела и устареть не может. Устареть может лишь эмпирический очерк о процессе коллективизации, интерес которого лишь в сообщаемых им фактах. Но может ли устареть произведение, в котором процесс коренной ломки старой деревни предстает перед нами в типических и в то же время ярко индивидуализированных образах? Разве могут устареть живые образы талантливого строителя социалистической деревни Давыдова, преодолевающего в себе собственнические чувства казака Кондрата Майданникова и других? Разве могут устареть образы врагов колхозного строя Половцева и Островнова, применяющих новые методы в своей подлой борьбе, методы диверсии, маскировки вредительства?

Шолохов не сторонний наблюдатель совершающихся событий. Его творчество и образ его жизни самым тесным образом связаны с событиями и людьми, которых он изображает.

Очень дико прозвучало бы в применении к Шолохову понятие «творческая командировка для изучения действительности». Он повседневно находится в этой «командировке», и — не только как писатель, «изучающий действительность», но как советский гражданин, активно участвующий в строительстве этой самой действительности. В станицу Вешенскую к писателю Михаилу Шолохову приезжают представители колхозов, приходят казаки. Они советуются с писателем, делятся с ним своими достижениями, жалуются на неполадки. Крепко связанный с народом, писатель помогает колхозам и колхозникам налаживать хозяйственную и культурную жизнь, бороться с косностью, бюрократизмом и контрреволюционным вредительством.

Характерен такой факт. В 1934 году Шолохов ездил за границу, в частности — в Данию и Англию. Англичане, пораженные «Тихим Доном», пользующимся у них большим успехом, назвали писателя «советским Диккенсом».

Но не за этим приехал туда Шолохов. Его интересовала культура сельского хозяйства. Конкретнее — «Диккенса» интересовали образцовые датские животноводческие и молочные фермы. Ему нужно было изучить их получше для того, чтобы передать наиболее ценный опыт этих ферм нашим колхозам. И когда Шолохов вернулся из-за границы — не было ни шумных выступлений о «встречах и впечатлениях», ни интригующих интервью. Единственное собрание, перед которым он выступил с отчетом о своей поездке, это — собрание колхозников, которому были представлены исчерпывающие сведения об оборудовании фермы, о технике стоков на скотных дворах, об использовании навоза и т. п.

У нас много говорят о типе советского писателя, о его общественном и моральном облике, о писателе-гражданине. Никоим образом не может считаться идеалом советского писателя такой писатель, который трактует в своих произведениях о социалистической морали и коллективистических чувствах, а в своем личном быту выступает, как индивидуалист, несущий в себе все пороки индивидуалистической морали старого мира. Подлинный советский писатель не может не быть гражданином. Проповедь передовых социалистических идей в произведениях должна сочетаться в нем с полноценной деятельностью члена социалистического общества, будь это в общественной или в личной жизни. И прекрасный пример этому — творчество и общественная деятельность Михаила Шолохова, писателя, связанного с советским народом тесными узами, писателя, у которого слово не расходится с делом и все подчинено одной великой задаче — борьбе за социалистическое переустройство мира.

Советские писатели вместе со всем народом гордятся своим собратом по перу, удостоившемся великой чести работать членом Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Писатель-коммунист

С Михаилом Шолоховым я впервые встретилась зимою 1935 года в Доме архитектора. Там в этот день было много писателей. Выступали Михаил Шолохов, Михаил Кольцов, Илья Эренбург и другие.

Шолохов обратил мое внимание своей скромностью. Такая скромность, мне кажется, свойственна только большим людям.

Шолохов говорил мало, и тем ценнее было каждое сказанное им слово.

После встречи с писателем я с большим интересом прочла его «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Особенно мне понравился «Тихий Дон», где автор так умело, с таким большим чутьем показывает самые глубокие переживания своих героев.

Чрезвычайно ценна в этом замечательном произведении его удивительная правдивость. Веришь каждому слову.

Таким уменьем правдиво описывать действительность обладают, к сожалению, лишь немногие писатели.

Михаил Шолохов с большим мастерством показывает переживания русской женщины. Образ Аксиньи по его силе и правдивости можно сравнить с лучшими образцами классической литературы.

Взяв лучшее у классиков, Шолохов сумел соединить с мастерством глубокую идейность.

Читая его, видишь, что это писатель-коммунист, глубоко преданный великому делу строительства бесклассового социалистического общества. Это делает его особенно близким и дорогим нам.

Вот почему с глубокой радостью принимаешь известие о включении Михаила Шолохова в число членов Центральной избирательной комиссии.

МАРУСЯ ВИНОГРАДОВА

Стахановка-орденоносец, ткачиха фабрики им. Ногина (г. Вичуга, Ивановской области), **студентка Промакадемии им. Молотова.**

М. Шолохов

«Тихий Дон»

Отрывок из четвертой книги

Стремительно преследуя отступавшего от Усть-Медведицкой противника,—об'единенные части Донской армии и верхнедонских повстанцев шли на север. Под хутором Шашкиным на Медведице разгромленные полки 9-й армии красных пытались задержать казаков, но были снова сбиты и отступали почти до самой грязецарицынской железнодорожной ветки, не оказывая решительного сопротивления.

Григорий со своей дивизией участвовал в бою под Шашкиным и крепко помог пехотной бригаде генерала Сутулова, попавшей под фланговый удар. Конный полк Ермакова, ходивший по приказу Григория в атаку, захватил в плен около двухсот красноармейцев, отбил четыре станковых пулемета и одиннадцать патронных повозок.

К вечеру с группой казаков первого полка Григорий в'ехал в Шашкин. Около дома, занятого штабом дивизии, под охраной полусотни казаков стояла густая толпа пленных, белея бязевыми рубахами и кальсонами. Большинство их было разуто и раздето до белья, и лишь изредка в белесой толпе зеленела грязная защитная гимнастерка.

— До чего белые стали, как гуси! — воскликнул Прохор Зыков, указывая на пленных.

Григорий натянул поводья, повернул коня боком; разыскав в толпе казаков Ермакова, поманил его к себе пальцем.

— Под'езжай, чего ты по за чужими спинами хоронишься?

Покашливая в кулак, Ермаков под'ехал. Под черными негустыми усами его на разбитых губах запеклась кровь, правая щека вздулась и темнела свежими ссадинами. Во время атаки конь под ним споткнулся на всем скаку, упал, и камнем вылетевший из седла Ермаков сажня два скользил на животе по кочковатой толоке. И он, и конь одновременно вскочили на ноги. А через минуту Ермаков, в седле и без фуражки, страшно окровавленный, но с обнаженной шашкой в руке, уже настигал катившуюся по косогору казачью лаву...

— И чего бы это мне хорониться?—с кажущимся удивлением спросил он, поровнявшись с Григорием, а сам смущенно отводил в сторону еще не потухшие после боя налитые кровью, осатанелые глаза.

— Чует кошка, чью мясу с'ела! Чего сзади едешь? — гневно спросил Григорий.

Ермаков, трудно улыбаясь, распухшими губами, покосился на пленных.

— Про какую это мясу ты разговор ведешь? Ты мне зараз загадки не задавай, все равно не разгадаю, я нынче с коня сторчь головой падал...

— Твоя работа? — Григорий плетью указал на красноармейцев.

Ермаков сделал вид, будто впервые увидел пленных, и разыграл неописуемое удивление:

— Вот, сукины сыны! Ах, проклятые! Раздели! Да когда же это они успели?.. Скажи на милость! Только что от'ехал, строго-настрого приказал не трогать, и вот тебе, растелешили бедных дочиста!..

— Ты мне дурочку не трепи! Чего ты прикидываешься? Ты велел раздеть?

— Сохрани господь! Да ты в уме, Григорий Пантелеевич?

— Приказ помнишь?

— Это насчет того, что-бы...

— Да-да, это насчет того самого!..

— Как же, помню. Наизусть помню! Как стишок, какие в школе, бывалоча, разучивали.

Григорий невольно улыбнулся, — перегнувшись на седле, схватил Ермакова за ремень портупеи. Он любил этого лихого, отчаянно храброго командира.

— Харлампий! Без шуток, к чему ты дозволил? Новенький полковник, какого заместо Копылова посадили в штаб, донесет, и прийдется отвечать. Ить не возрадуешься, как начнется волынка, спросы да допросы.

— Не мог стерпеть, Пантелеевич! — серьезно и просто ответил Ермаков. — На них было все с иголочки, им только что в Усть-Медведице выдали, ну, а мои ребята пообносились, да и дома с одежей не густо. А с них — один чорт, — все в тылу посымали бы! Мы их будем забирать, а тыловая сволочь будет раздевать? Нет уж, нехай лучше наши попользуются! Я буду отвечать, а с меня взятки гладки! И ты, пожалуйста, ко мне не привязывайся. Я знать ничего не знаю и об этих делах сном-духом не ведаю!

Поровнялись с толпой пленных. Сдержанный говор в толпе смолк. Стоявшие с краю сторонились конных, поглядывали на казаков с угрюмой опаской и настороженным выжиданием. Один красноармеец, распознав в Григорие командира, подошел вплотную, коснулся рукой стремени:

— Товарищ начальник! Скажите вашим казакам, чтобы нам хоть шинели возвратили. Явите такую милость! По ночам холодно, а мы прямо-таки нагие, сами видите.

— Небось, не замерзнешь середь лета, суслик! — сурово сказал Ермаков и, оттеснив красноармейца конем, повернулся к Григорию. — Ты не сумлевайся, я скажу, чтоб им отдали кое-что из старья. Ну, сторонись, сторонись, вояки! Вам бы в штанах вшей бить, а не с казаками сражаться!

В штабе допрашивали пленного командира роты. За столом, покрытым ветхой клеенкой, сидел новый начальник штаба, полковник Андреянов — пожилой, курносый офицер, с густою проседью на висках и с мальчишески оттопыренными, крупными ушами. Против него, в двух шагах от стола стоял красный командир. Показания допрашиваемого записывал один из офицеров штаба, сотник Сулин, прибывший в дивизию вместе с Андреяновым.

Красный командир — высокий, рыжеусый человек, с пепельно-белесыми, остриженными под ёжик волосами, — стоял, неловко переступая босыми ногами по крашеному охрой полу, изредка поглядывая на полковника. Казаки оставили на пленном одну нижнюю солдатскую рубаху из желтой, не отбеленной бязи да взамен отобранных штанов дали изорванные в клочья казачьи шаровары с выцветшими лампасами и неумело приштопанными латками. Проходя к столу, Григорий заметил, как пленный коротким смущенным движением поправил разорванные на ягодицах шаровары, стараясь прикрыть оголенное тело.

— Вы говорите, Орловским губвоенкоматом? — спросил полковник, коротко, поверх очков взглянув на пленного, и снова опустил глаза и, прищурившись, стал рассматривать и вертеть в руках какую-то бумажку — как видно, документ.

— Да.

— Осенью прошлого года?

— В конце осени.

— Вы лжете!

— Я говорю правду.

— Утверждаю, вы лжете!..

Пленный молча пожал плечами. Полковник глянул на Григория, сказал, пренебрежительно кивнув в сторону допрашиваемого:

— Вот, полюбуйтесь: бывший офицер императорской армии, а сейчас, как видите, большевик. Попался и сочиняет, будто у красных он случайно, будто его мобилизовали. Врет дико, наивно, как гимназистишка, и думает, что ему поверят, а у самого попросту нехватает гражданского мужества сознаться в том, что предал родину... Боится, мерзавец!

Трудно двигая кадыком, пленный заговорил:

— Я вижу, господин полковник, у вас хватает гражданского мужества на то, чтобы оскорблять пленного...

— С мерзавцами я не разговариваю!

— А мне сейчас приходится говорить.

— Осторожнее! Не вынуждайте меня, я могу вас оскорбить действием!

— В вашем положении это так нетрудно и главное — безопасно!

Необмолвившийся ни словом Григорий присел к столу, с сочувственной улыбкой смотрел на бледного от негодования, бесстрашно огрызавшегося пленника. «Здорово ощипал он полковничка!» — с удовольствием подумал Григорий и не без злорадства глянул на мясистые багровые щеки Андреянова, подергивавшиеся от нервного тика.

Своего начальника штаба Григорий не взлюбил с первой же встречи. Андреянов принадлежал к числу тех офицеров, которые в годы мировой войны не были на фронте, а благоразумно отсиживались по тылам, используя влиятельные служебные и родственные связи и знакомства, всеми силами цепляясь за безопасную службу. Полковник Андреянов и в гражданскую войну ухитрился работать на оборону, сидя в Новочеркасске, и только после отстранения от власти атамана Краснова он вынужден был поехать на фронт.

За две ночи, проведенных с Андреяновым на одной квартире, Григорий с его слов успел узнать, что он очень набожен, что он без слез не может говорить о торжественных церковных богослужениях, что жена его — самая примерная жена, какую только можно представить, что зовут ее Софьей Александровной и что за ней некогда безуспешно ухаживал сам наказный атаман барон фон-Граббе; кроме этого полковник любезно и подробно рассказал: каким имением владел его покойный родитель, как он — Андреянов — дослужился до чина полковника, с какими высокопоставленными лицами ему приходилось охотиться в 1916 году; а также сообщил, что лучшей игрой он считает вист, полезнейшим из напитков — коньяк, настоенный на тминном листе, а наивыгоднейшей службой — службу в войсковом интендантстве.

. . . .

С людьми этой птичьей породы Григорий не раз встречался на своем веку и всегда испытывал к ним чувство глубокого отвращения. На второй день после знакомства с Андреяновым Григорий начал избегать встреч с ним и днем преуспевал в этом, но как только останавливались на ночевку — Андреянов разыскивал его, торопливо спрашивал: «Вместе ночуем?» и, не дожидаясь ответа, начинал: «Вот вы, любезнейший мой, говорите, что казаки неустойчивы в пешем бою, а я, в бытность мою офицером для поручений при его превосходительстве... Эй, кто там, принесите мой чемодан и постель сюда!» Григорий ложился на спину, закрывал глаза и, стиснув зубы, слушал, потом неучтиво поворачивался к неугомонному рассказчику спиной, с головой укрывался шинелью, думал с немою яростью: «Как только получу приказ о переводе — лупану его чем-нибудь тяжелым по голове: может, после этого он хоть на неделю языка лишится!» «Вы спите, сотник?» — спрашивал Андреянов. «Сплю», — глухо отвечал Григорий. «Позвольте, я еще не досказал!» — и рассказ продолжался. Сквозь сон Григорий думал: «Нарочно подсунули мне этого балабона. Должно, Фицхелауров постарался. Ну, как с ним, с таким ушибленным, служить?» И, засыпая, слышал пронзительный тенорок полковника, звучавший, как дождевая дробь по железной крыше.

Вот поэтому-то Григорий и злорадствовал, видя, как ловко пленный командир отделывает его разговорчивого начальника штаба.

С минуту Андреянов молчал, щурился; длинные мочки его оттопыренных ушей ярко пунцовели, лежавшая на столе белая пухлая рука, с массивным золотым кольцом на указательном пальце, вздрагивала.

— Слушайте, вы, ублюдок, — сказал он охрипшим от волнения голосом. — Я приказал привести вас ко мне не для того, чтобы пикироваться с вами, вы этого не забывайте! Понимаете ли вы, что вам не отвертеться?

— Отлично понимаю.

— Тем лучше для вас. В конце-концов мне наплевать, добровольно вы пошли к красным или вас мобилизовали. Важно не это, важно то, что вы из ложно понимаемых вами соображений чести отказываетесь говорить...

— Очевидно, мы с вами разно понимаем вопросы чести.

— Это потому, что у вас ее не осталось и вот столько!

— Что касается вас, господин полковник, то, судя по обращению со мной, я сомневаюсь, чтобы честь у вас вообще когда-нибудь была!

— Я вижу — вы хотите ускорить развязку?

— А вы думаете, в моих интересах ее затягивать? Не пугайте меня, не выйдет!

Андреянов дрожащими руками раскрыл портсигар, закурил, сделал две жадных затяжки и снова обратился к пленному:

— Итак, вы отказываетесь отвечать на вопросы?

— О себе я говорил.

— Идите к чорту! Ваша паршивая личность меня меньше всего интересует. Потрудитесь ответить вот на какой вопрос: какие части подошли к вам от станции Себряково?

— Я вам ответил, что я не знаю.

— Вы знаете!

— Хорошо, доставлю вам удовольствие: да, я знаю, но отвечать не буду.

— Я прикажу вас выпороть шомполами, и тогда вы заговорите!

— Едва ли! — Пленный тронул левой рукой усы, уверенно улыбнулся.

— Камышинский полк участвовал в этом бою?

— Нет.

— Но вам левый фланг прикрывала кавалерийская часть, что это за часть?

— Оставьте! Еще раз повторяю вам, что на подобные вопросы отвечать не стану.

— На выбор: или ты, собака, сейчас же развяжешь язык, или через десять минут будешь поставлен к стенке! Ну?!

И тогда неожиданно высоким, юношески звучным голосом пленный сказал:

— Вы мне надоели, старый дурак! Тупица! Если б вы попались ко мне — я бы вас не так допрашивал!..

Андреянов побледнел, схватился за кобуру нагана. Тогда Григорий неторопливо встал и предостерегающе поднял руку.

— Ого! Ну, теперь хватит! Погутарили и хватит. Обое вы горячие, как погляжу... Ну, не сошлись, и не надо, об чем толковать? Он правильно делает, что не выдает своих. Ей богу, это здорово! Я и не ждал!

— Нет, позвольте!.. — горячился Андреянов, тщетно пытаясь расстегнуть кобуру.

— Не позволю! — с веселым оживлением сказал Григорий, вплотную подходя к столу, заслоняя собой пленного. — Пустое дело — убить пленного. Как вас совесть не зазревает намеряться на него, на такого? Человек безоружный, взятый в неволю, вон на нем и одежи-то не оставили, а вы намахиваетесь...

— Долой! Меня оскорбил этот негодяй!— Андреянов с силой оттолкнул Григория, выхватил наган.

Пленный живо повернулся лицом к окну, — как от холода повел плечами. Григорий с улыбкой следил за Андреяновым, а тот, почувствовав в ладони шероховатую рукоять револьвера, как-то нелепо взмахнул им, потом опустил дулом книзу и отвернулся.

— Рук не хочу марать!.. — отдышавшись и облизав пересохшие губы, хрипло сказал он.

Не сдерживая смеха, сияя из-под усов кипенным оскалом зубов, Григорий сказал:

— Оно и не пришлось бы! Вы поглядите, наган-то у вас разряженный. Ищо на ночевке, я проснулся утром, взял его со стула и поглядел... Ни одного патрона в нем, и нечищенный, должно, месяца два! Плохо вы доглядаете за личным оружием!

Андреянов опустил глаза, повертел большим пальцем барабан револьвера, улыбнулся:

— Чорт! А ведь верно...

Сотник Сулин, молча и насмешливо наблюдавший за всем происходившим, свернул протокол допроса, сказал, приятно картавя:

— Я вам неоднократно говорил, Семен Поликарпович, что с оружием вы обращаетесь безобразно. Сегодняшний случай — лишнее доказательство тому.

Андреянов поморщился, крикнул:

— Эй, кто там из нижних чинов? Сюда!

Из передней вошли два ординарца и начальник караула.

— Уведите! — Андреянов кивком головы указал на пленного.

Тот повернулся лицом к Григорию, молча поклонился ему, пошел к двери. Григорию показалось, будто у пленного под рыжеватыми усами в чуть приметной благодарной усмешке шевельнулись губы...

Когда утихли шаги, Андреянов усталым движением снял очки, тщательно протер их кусочком замши, жёлчно сказал:

— Вы блестяще защищали эту сволочь, это — дело ваших убеждений, но говорить при нем о нагане, ставить меня в неловкое положение — послушайте, что же это такое?

— Беда не дюже большая, — примирительно ответил Григорий.

— Нет, все же напрасно. А знаете ли, я бы мог его убить. Тип возмутительный! До вашего прихода я бился с ним полчаса. Сколько он тут врал, путал, изворачивался, давал заведомо ложных сведений — ужас! А когда я его уличил — попросту и наотрез отказался говорить. Видите ли, офицерская честь не позволяет ему выдавать противнику военную тайну. Тогда об офицерской чести не думал сукин сын, когда нанимался к большевикам... Полагаю, что его, и еще двух из командного состава, надо без шума расстрелять. В смысле получения интересующих нас сведений — они все безнадежны: закоренелые и непоправимые негодяи, следовательно — и щадить их незачем. Вы — как?

— Каким путем вы узнали, что он — командир роты? — вместо ответа спросил Григорий.

— Выдал один из его же красноармейцев.

— Я полагаю — надо расстрелять этого красноармейца, а командиров оставить! — Григорий выжидающе взглянул на Андреянова.

Тот пожал плечами и улыбнулся так, как улыбаются, когда собеседник неудачно шутит.

— Нет, серьезно, вы как?

— А вот так, как я уже вам сказал.

— Но, позвольте, это из каких же соображений?

— Из каких? Из тех самых, чтобы сохранить для русской армии дисциплину и порядок. Вчера, когда мы ложились спать, вы, господин полковник, дюже толково рассказывали, какие порядки надо будет заводить в армии после того, как разобьем большевиков, чтобы вытравить из молодежи красную заразу. Я с вами был целиком согласный, помните? — Григорий поглаживал усы, следя за меняющимся выражением лица полковника, рассудительно говорил: — А зараз вы что предлагаете? Этим же вы разврат заводите! Значит, нехай солдаты выдают своих командиров? Это вы чему же их научаете? А доведись нам с вами быть на таком положении, тогда что? Нет, помилуйте, я тут упрусь! Я — против.

— Как хотите, — холодно сказал Андреянов и внимательно посмотрел на Григория. Он слышал о том, что повстанческий командир дивизии своенравен и чудаковат, но этакого от него не ожидал. Он только добавил: — Мы обычно так поступали в отношении взятых в плен красных командиров, и в особенности — бывших офицеров. У вас что-то новое... И мне не совсем понятно ваше отношение к такому, казалось бы, бесспорному вопросу.

— А мы обычно убивали их в бою, ежли доводилось, но пленных без нужды не расстреливали! — багровея, ответил Григорий.

— Хорошо, пожалуйста, отправим их в тыл, — согласился Андреянов. — Теперь вот какой вопрос: часть пленных — мобилизованные крестьяне Саратовской губернии — из'явила желание сражаться в наших рядах. Третий пехотный полк наш не насчитывает и трехсот штыков. Считаете ли вы возможным после тщательного отбора влить в него часть добровольцев из пленных? На этот счет из штабарма у нас имеются определенные указания.

— Ни одного мужика я к себе не возьму. Убыль пущай пополняют мне казаками, — категорически заявил Григорий.

Андреянов попробовал убедить его:

— Послушайте, не будем спорить. Мне понятно ваше желание иметь в дивизии однородный казачий состав, но необходимость понуждает нас не брезговать и пленными. Даже в Добровольческой армии некоторые полки укомплектовываются пленными.

— Они пущай делают, как хотят, а я отказываюсь принимать мужиков. Давайте об этом больше не будем гутарить, — отрезал Григорий.

Спустя немного он вышел распорядиться относительно отправки пленных. А за обедом Андреянов взволнованно сказал:

— Очевидно, не сработаемся мы с вами...

— Я тоже так думаю, — равнодушно ответил Григорий. Не замечая улыбки Сулина, он пальцами достал из тарелки кусок вареной баранины, начал с таким волчьим хрустом дробить зубами твердоватый хрящ, что Сулин сморщился, как от сильной боли, и даже глаза на секунду закрыл.

Роман начинается печатанием в одиннадцатой книге журнала «Новый мир».

Мой творческий путь

Из беседы Гасема Лахути с молодыми писателями Ташкента

Для меня большая радость говорить о художественном творчестве с товарищами, которые работают на производстве и сами творят.

Приближается двадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. К великому празднеству наша страна готовится произвести смотр достижениям и победам двадцати лет своей жизни хозяйственной, научной, культурной. В этом смотре огромную роль должно сыграть художественное слово. Вот почему сейчас особенно важно говорить о нем.

Вас интересует, что меня направило на путь творчества, что ведет меня дальше по этому пути?

Я—член коммунистической партии, имею за плечами много лет и буду говорить с вами просто, без всяких поэтических выдумок.

Вы, вероятно, замечали, что беззащитные люди, когда их обижают сильные, откликаются на обиды по-разному. Один плачет и жалуется, воображая, что слезами может отомстить обидчику. Другой бранится и проклинает, не зная, что его бессильные угрозы доставляют врагу лишь наслаждение.

Припоминаю одну картину, виденную мною во время шахсей-вахсей в Иране. Шахсей-вахсей — это ежегодные фанатически исступленные процессии мусульман-шиитов в память Гассана и Гуссейна, убитых внуков Магомета. Мальчик, который шел и бил себя в грудь рядом с другими мусульманами, нечаянно наступил на ногу взрослому мужчине. Мужчина пришел в ярость и поколотил его. Плача от боли и обиды, мальчик стал кричать и браниться. Собралась возмущенная толпа.

«Негодяй, ты смеешь скандалить в такой день!» Мальчика повалили и жестоко, до крови, избили. И на моих глазах тот же человек, который обидел ребенка, благочестиво возмущался и бил его вместе со всеми.

Я глядел на все это и думал: «Если меня изобьют и я стану плакать и ругаться, это мне не поможет. Надо делать что-то другое».

Я полюбил борьбу и рано научился изобретать различные способы борьбы. Богатому сынку, который проходил по улице со свитой из трех слуг, вооруженных дубинками, ничего не стоило обидеть нас, маленьких оборвышей. В ответ мы изловчались так подбросить арбузную корку, чтобы враг непременно поскользнулся и упал.

Уже в те дни я заметил, что слово — одно из сильнейших оружий борьбы. Я видел, как толпа приходила в воинственный экстаз, хором распевая стихи о Гассане и Гуссейне. Я наблюдал, как воодушевлялись люди, слушая чтение «Шах-Намэ» — поэмы Фирдоуси, очень популярной в народе, несмотря на свой тысячелетний возраст. Герои этой поэмы, древние богатыри, выходя на поле битвы, вызывали помериться силами богатырей из враждебного лагеря. Эти вызовы непременно распевались в форме стихов, то грозных и воинственных, то насмешливых и обидных для врага. Такие стихи назывались «раджаз». Мастерски петь «раджаз» для богатыря было так же обязательно, как владеть мечом.

Вот и я, подражая древним героям, стал применять «раджаз» в наших мальчишеских сражениях. Мое наивное творчество воодушевляло товарищей. С пением моих стихов они сражались храбрее.

Так, с раннего детства я стал неразлучным с поэтическим оружием.

Жилось мне в детстве не легко. Одно время я работал учеником у кузнеца Уста-Мамеда в городе Керманшахе. Чистил снег, таскал покупки, раздувал меха. Тяжелее всего было зимою носить в дом жар для печей из кузнечного горна. Горячую жаровню с углями приходилось нести на голове.

У моих хозяев был мальчик — препротивное, грязное существо. Когда я приходил вечером, еле держась на ногах от усталости, хозяйка встречала меня словами: «А, вот и наш ишак пришел!» Она сажала сына ко мне на плечи и заставляла бегать с ним вокруг двора. Если я уставал и бежал тише, меня ругали, били.

Однажды мать дала сыну большой гвоздь, и тот стал меня им колоть. Тут я не выдержал. Выбрал момент, когда мать ушла, и изо всех сил отколотил мальчишку. Потом убежал домой, где мне долго пришлось прятаться от гнева хозяйской семьи. Помню, в то время я сочинил стихи о радости победы, о том, как весело бить врага.

Прошли годы детства, и поэзия стала для меня средством борьбы за идею, за освобождение угнетенного народа. Еще более идейно насыщенным стало мое творчество с тех пор, как я приехал в СССР и вступил на путь социализма.

Идейность, думается мне, первое и основное условие полноценного художественного произведения.

Я припоминаю, какую власть над умами имели в Иране некоторые религиозные стихи. Отчего это происходило? Оттого, что они были проникнуты страстной верой в то, что ими проповедывалось. Если произведение советского поэта будет холодно, лишено пламенной веры в правоту нашего дела, оно не окажет никакого действия, оно останется бесплодным.

В каждом произведении художник проводит свою заветную идею. Но наряду с этим он стремится к тому, чтоб его произведение поражало своей красотою весь мир. Он стремится найти тот секрет расположения материала, образов, словесных созвучий, который делает произведение сильным, убедительным, потрясающим. Вместе с тем он ищет язык простой, ясный, доступный широчайшим массам. **Высокая художественность в соединении с простотой и ясностью — второе условие литературного творчества.**

Надо знать свою читательскую аудиторию, надо понимать ее запросы, стремления, жить ее интересами. Наши читатели — это масса трудящихся, строящих социализм. Они растут, культурно развиваются с каждым часом. Писателю у нас не надо опускаться до уровня отсталых масс, напротив, ему приходится изо всех сил гнаться за ними, чтобы не отстать, а быть впереди.

Надо глубоко, до мельчайших деталей знать то, о чем пишешь. Надо любить своих героев, вникать в их мысли, чувства, переживания. Только тогда можно дать не шаблонные общие фразы, а произведение, подлинно мобилизующее, зажигающее людей. Разве можно, например, писать о колхозниках, не зная их жизни, работы или имея о колхозе лишь общее представление? Это все равно, что пытаться вылить в стакан бочку воды или разглядывать высокую гору в маленьком зеркальце.

Раньше о деревне писать было легко. Что было в кишлаке? Кетмень, омач, бык, надрывной труд крестьянина. Об этом знал каждый. Но теперь деревня пережила техническую революцию. Во многих колхозах я видел конюшни, освещенные электричеством. А сколько бедняков в тех же деревнях умерли, не видя даже керосиновой лампы! Думали ли они, что не только их дети, но даже коровы, овцы и лошади их детей будут жить при электрическом освещении!?

Знание читательской аудитории и знание материала — третье условие плодотворной работы художника.

Есть люди, которые думают, что основное в работе писателя — это добиться быстрой известности: больше печататься, получать больше похвал — вот главное. Для этой цели они пускают в ход любимые средства: прибегают к групповщине, отталкивают «соперников» на задний план, стараются замарать их, воображая, что тем самым выдвинутся на первое место. Иранский поэт Саади сказал: «Если ты наполнишь флакон водой и будешь везде кричать, что продаешь ароматные духи, то, в конце концов, тебе этим флаконом разобьют голову». Настоящие духи сами дают о себе знать своим запахом. Надо работать, создавать хорошие произведения, они сами выдвинут автора.

Что нужно писателю прежде всего? Обширные общие знания, глубокая общая культура. Сверх того, необходимо, конечно, овладение техникой писательского дела. Тысячу раз прав был Ленин, когда говорил, что мы должны все ценности, созданные в прошлом человеческим умом, использовать для социализма. В частности, писатель, который стремится овладеть литературным мастерством, обязан критически изучать наследие старых мастеров слова и осваивать все то, что может сослужить службу социалистической литературе.

Одно время среди молодежи можно было слышать разговоры о том, что читать Пушкина для нас бесполезное, лишнее дело. Но найдется ли среди наших поэтов такой смельчак, который заявил бы, что ему удалось написать стихотворение, по силе равное пушкинскому «Послание в Сибирь»? А ведь сила Пушкина не только в его гении, сила его в том, что он сумел развить и углубить свой гений разносторонними знаниями, обогатить его сокровищами всемирной культуры. Надо и нам бороться против ограниченности, за расширение своего кругозора.

Овладеть культурным наследием всего мира и использовать его в интересах социализма, — такова наша задача.

Семьсот лет тому назад классический иранский поэт Хакани посетил развалины дворца шаха Ануширвана в Медаине, древней столице Ирана. Дворец этот когда-то строили 300 тысяч рабочих и несколько сот инженеров из Китая и других стран. Когда арабы вторглись в Иран, они разрушили стены дворца и потом расхищали его остатки на протяжении нескольких столетий. Несмотря на это, от дворца еще на долгие века остались арки, более высокие, чем Софийский собор в Стамбуле, их не могли разрушить ни годы, ни усилия покорителей-арабов. Понятно, что такой дворец в ту эпоху мог быть построен только на костях народа.

Бродя по развалинам Медаина, поэт Хакани написал мрачную элегию о павшем дворце, оплакивая его, как «величайший памятник справедливости, человечности и культуры». Эта элегия — сильнейшее произведение, широко известное среди турок, иранцев, арабов, на всем Востоке.

В 1923 году я впервые увидел московский Кремль. Не зная еще ни слова по-русски, я бродил один по его залам, и в моей памяти встали развалины дворца Ануширвана, воспетого Хакани. Меня поразил этот величайший исторический контраст. Два царских дворца. Оба построены на костях трудящихся. Но первый рухнул, похоронив под собой национальное могущество, а второй возродился, перейдя в руки рабочих, став крепостью интернационализма и коммунизма. Тут же одним взмахом пера я написал поэму «Кремль». Эта вещь вылилась у меня сразу, потом я не мог ни прибавить, ни изменить в ней ни единого слова. Моей целью было разбить, разрушить националистическое влияние поэмы Хакани, показав, как на деле строились дворцы и кто их настоящие хозяева.

Если бы я не знал прошлого, не знал истории дворца Ануширвана, не знал поэмы Хакани,—я не был бы автором «Кремля».

Я оглядываюсь на пройденный мною путь и вижу, насколько он был долог и труден. Припоминаю свои юношеские мистико-философские стихи, толковавшие о вечной правде, о равенстве, о братстве людей. Меня тогда считали едва ли не пророком. Верили, что слова вкладывает мне в уста сам бог. Меня это коробило, ибо я искал не столько бога, сколько выхода, спасения для окружавших меня голодных, угнетенных, страдающих людей. Скоро я увидел, что иду по неверному пути.

Суфийские темы сменились у меня темами революции. Это были годы моего участия в революционном движении Ирана, после переезда в СССР они переросли в темы социалистические.

Я нашел, наконец, единственный верный путь—путь социализма.

■ ■ ■

Гасем Лахути

Гасем Лахути

★

В. ШКЛОВСКИЙ

★

Не так давно в залах Эрмитажа в Ленинграде была устроена выставка иранского искусства.

Выставочные залы тянулись вдоль Невы, продолжались во Дворце искусств (Зимнем дворце), поворачивали на площадь Урицкого.

Огромное, многотысячелетнее, непрерывное и прекрасное искусство проходило перед зрителями.

Поражало, как много иранского металла было найдено в пределах СССР, причем найдено в быту.

Эти вещи жили, с этих блюд ели, их рисунку подражали народные художники, их воспевали поэты.

Женщина, ткущая ковер, воспроизводит цветок, кладя нитки так, как учат ее глаз и многотысячелетняя культура.

Мы были в Таджикистане.

Абуль-Гасем Лахути — наследник этой великой культуры, седой и крепкий, смотрел на дальние горы, на высокую луну, говорил мне о лирике Ирана.

Был некогда поэт, влюбленный в принцессу.

Ко двору принцессы привозили дань или людей, связанных за то, что они не хотели или не смогли привезти дани.

Однажды утром поэт принес ей розы.

Принцесса посмотрела на него, как на раба, и сказала:

— Об'ясни, что это значит. Я не принимаю их.

И поэт тогда сказал стихи:

— Роза в твоем саду бунтовала и говорила, что она тоже красива, и вот она перед тобою связана.

Поэзия Ирана — это связанные розы, которые или бунтуют, или только красивы.

Гасем Лахути — тот поэт Ирана, который сразу пошел со своими стихами к народу.

Иранская литература часто оказывалась написанной для царя и услышанной народом.

Поэзия Лахути ушла к тому, кто ее слушал, он первый не испытал разочарования, потому что первый изменил дорогу.

Его отец был башмачник и говорил стихи.

Лахути родился в Керманшахе и рано сам начал мыслить стихами.

Мальчик начал учиться в тегеранской школе, но был исключен из нее, как «чуждый имущим людям».

Шестнадцати лет он принимал участие в революционном движении, писал и распространял агитационные стихи и песни.

В 1907 году он сражался в рядах иранских революционеров против шахского правительства.

В 1908 году Лахути в Северном Иране увидел, как провокаторы сеют национальную рознь между тюрками, иранцами, курдами.

Лахути понял, что борьба Ирана и Турана кончилась, что теперь идет борьба иранцев и туранцев за свободу. Он сумел сплотить отряды и участвовал в походе на шахский Тегеран.

Шах Магомет Али бежал из Тегерана.

В Тегеране собрался меджилис из купцов, духовенства, помещиков.

Лахути начал писать стихи против меджилиса и Англии.

Его песни уходили по крестьянским дорогам, запоминались.

Лахути был посажен в тюрьму.

Во время мировой войны Гасем Лахути выступал против империализма.

Он был приговорен к смерти.

Конвойный курд услыхал, как Лахути поет курдскую песню и вступил с поэтом в разговор.

Песнь освободила Лахути, он бежал в Турцию.

Между Ираном и Турцией лежит пустыня, в этой пустыне кожа на человеке высыхает так, что затрудняет дыхание.

Проход через такую пустыню — подвиг, достойный поэмы.

Из Турции вернулся Лахути через Багдад на свою родину в Керманшах и присоединился к вооруженной борьбе с англо-царскими оккупантами.

Здесь он основал революционную газету «Бисотун» и после февраля 1917 года, встретившись с членами подпольной большевистской организации русской армии, работал вместе с ними как представитель иранской рабочей партии.

После Октябрьской революции советское правительство отозвало русские войска из Ирана.

При помощи англичан революционные организации Ирана были разгромлены. Лахути опять бежал в Турцию; в Стамбуле работал грузчиком, чернорабочим, и здесь ему удалось выпустить первые три сборника стихов.

В 1921 году Лахути снова идет пешком через пустыни Ирана, встречается с племенами, забытыми, оставленными историей и находит с ними общий язык, они пропускают его и помогают ему достичь Ирана.

Он шел, имея при себе соль, спички и иглу, для того, чтобы вытаскивать шипы из ран.

В 1922 году Лахути организовал восстание в Иранском Азербайджане, пошел на Тавриз, установил в нем власть революционного комитета и держал город десять дней.

Отсюда он эмигрировал в СССР и в 1922 году в советской Нахичевани издал на фарситском языке книгу четверостиший.

В 1923 году Лахути в Москве написал поэму о социалистической революции в России — «Кремль» и сам набрал эту книгу в типографии Центроиздата.

В 1924 году Лахути вступил в коммунистическую партию. В советском Таджикистане он находит себе вторую родину, создает здесь стихи.

Стихи Лахути в Таджикистане знают все, они стали поговорками.

Но поговорки обычно, так, как и стихи Гафиза, говорят о прошлом. Стихи Лахути — стихи для дехканина, стихи сегодняшнего и завтрашнего дня.

Мне пришлось видеть Лахути среди таджикских колхозников, среди народных поэтов Таджикистана.

Они понимали друг друга.

Тогда в Таджикистане был свой РАПП. В жарком климате сидели молодые люди в непромокаемых прорезиненных пальто, люди эти не знали ни древнефарситской литературы, ни литературы европейской.

Лахути возмущался, об'яснял им, что нельзя оставить тысячелетнюю культуру, понятую народом, что она нужна и Таджикистану, и Ирану, и всему миру.

Об Иране Гасем Лахути говорил и в Париже.

Он рассказывал, что много из того, что делают сейчас фашисты, делалось в Бухаре, что это варварство — варварство старое и всегда было побеждаемо.

Он рассказывал о веревке презрения, которой должны были подпоясываться евреи.

Образный язык был понятен всем, и таджикский поэт, борющийся за свободное человечество, оказался братом французов, испанцев.

На приеме в Кремле делегации Таджикистана Лахути говорил от имени своего народа.

Он рассказал о том, что прежде в дворцы приходили побежденные, Кремль — первый дворец, куда приходят победители.

Лахути переведен на русский, украинский язык почти целиком.

Он сейчас один из лучших советских поэтов.

Абуль-Гасем Лахути награжден орденом Трудового Красного знамени, орденом Ленина.

ЛАХУТИ

Четверостишия

ТРАКТОРИСТАМ И КОЛХОЗНИКАМ ТАДЖИКИСТАНА

—1—

Пашу я и Сталина имя твержу,
И тотчас земля покоряется мне.
Пахта [1] расцветает, — на цветы я гляжу,
И Ленин из них улыбается мне.

—2—

Любимая хлопок сбирала со мной,
Трудилась, стране помогая родной.
Прекрасен был вид белоснежной пахты,
Румяной щеки и косы смоляной.

—3—

Вставай, черноглазая, солнце взошло.
В колхозе трудиться легко и светло.
Я сам—бригадир и ударница—яр [2].
— Счастливец—твердят все—ему повезло!

—4—

От нашего хлопка страна расцветет,
Богаче, могучее станет народ.
Усердно тружусь, ведь усердье мое
Любимому Сталину радость несет.

—5—

МУЗЫКАНТАМ ТАДЖИКИСТАНА

Душа звучаньем пленена дутара твоего,
Очарованьем песнь полна дутара твоего.
Трепещет сердце, лишь рука твоя коснется струн:
Иль с сердцем связана струна дутара твоего?

Перевод с фарси БАНУ

[1] Пахта — хлопок.
[2] Яр — подруга.

М. Ю. Лермонтов

М. Ю. Лермонтов

■ ■ ■

15 октября 1937 г. исполняется 123 года со дня рождения М. Ю. Лермонтова. На этот же год приходится столетний юбилей его стихов на смерть Пушкина.

В 1837 году вся Россия прочла «Смерть поэта», пламенный отклик на гибель Пушкина, разошедшийся в бесчисленных списках.

Никогда ни одно стихотворение, написанное до того русским поэтом, не рождало такого отклика и не возбуждало такого отзыва, как стихи Лермонтова на смерть Пушкина.

Николай I прочел эти стихи, присланные к нему с пометкой «призыв к революции». И ему почудилось, что это один из декабристов взошел на всенародную трибуну и возобновил свои речи, прерванные пушками 14 декабря, возобновил их с новой силой, с поэтической мощью, напомнившей Николаю I только что смолкшего, ненавистного ему Пушкина. Царь поспешил сослать Лермонтова, представившегося ему законным наследником Пушкина и декабристов, на Кавказ. И с тех пор уже не выпускал поэта из-под своего жандармского «наблюдения».

Стихи Лермонтова на смерть Пушкина растеклись по всей России и все, что в ней было граждански-честного и прогрессивно-мыслящего, от Герцена и Белинского до студента-разночинца, до любого выходца из крепостной среды, — поняло, что в авторе «Смерти поэта» явился преемник Пушкина, который продолжает его дружбу с декабристами и передает заветы этой дружбы новым поколениям.

Белинский и те, кто за ним шел, полюбили в Лермонтове искреннего и страстного выразителя их гражданских чувств, поэта неукротимого протеста, взрывающего все, что есть в жизни косного и злого.

Через год Лермонтов выразил свой идеал поэта в стихотворении «Поэт» (1838).

Озирая толпу современных ему поэтов—певцов элегического камелька, вроде Красова и Клюшникова, холодных риторов, вроде Бенедиктова, бесстрастных резчиков камней из осколков старого классического мрамора, вроде начинающего Майкова, — Лермонтов горько сетовал, что «в наш век изнеженный не так ли ты, поэт, свое утратил назначенье». Истинное же назначение поэта, по Лермонтову, вот в чем:

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы.
. . . .
Твой стих, как божий дух, носился над толпой,
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Лермонтов не знал, что «мерный звук могучих слов» его поэзии грусти, горести и гнева будет «воспламенять для битвы» таких великих бойцов с самодержавием, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов.

«Бородино» — второе дебютное стихотворение Лермонтова, появившееся в 1837 году, — было первым его произведением, которое он сам отдал в печать.

Лермонтов ценил свой творческий труд с исключительной строгостью, не имеющей параллели в русской литературе. До «Бородина» им было написано свыше 300 стихотворений и 25 поэм — и ни одной строки из всего этого богатства (а тут были такие алмазы лирики, как «Парус» и «Нищий», такие поэмы, как «Боярин Орша» и «Измаил-Бей») поэт не признал достойной печати.

В глазах его все это поэтическое творчество было лишь лабораторией.

Открывая свое поэтическое поприще в печати стихотворением «Бородино», Лермонтов начал так, как не начинал ни один из русских поэтов. Сам Пушкин выступил впервые в печати со стихами, изобличающими явное влияние Державина, Жуковского, Батюшкова и французских поэтов XVIII века. Некрасов начал книжкой «Мечты и звуки», которую впоследствии скупал и уничтожал. Фет отрекся от «Лирического Пантеона», которым дебютировал.

Лермонтов же впервые выступил в печати со стихотворением, составившим эпоху в истории русской литературы, — подчеркиваю: литературы, а не одной поэзии.

Народная война 1812 года давно владела мыслью и поэтическим воображением Лермонтова. Еще в 1830 году он написал стихотворение «Поле Бородина». На стихотворении этом еще явны следы влияния «Певца во стане русских воинов» Жуковского, с его романтической декорацией и декламацией; в нем еще слышен отзвук той бутафорской торжественности, которой преисполнены бесчисленные «оды», адресованные Александру I и его генералам.

В «Бородине» нет и следа этих генеральских труб и ура-патриотических барабанов.

В «Бородине» — простая действительность, суровые будни истории.

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил, весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

Великий народный подвиг, каким является Бородино в истории, Лермонтов сумел вместить в простой и непритязательный рассказ одного из безвестных участников его так, что и личность этого участника стоит перед нами, как живая, и все величие борьбы народа за свою независимость проступает во всей своей правде и силе.

В 1909 году автору этих строк довелось вести беседу о Лермонтове с Львом Николаевичем Толстым.

— Его «Бородино» — это зерно моей «Войны и мира» — сказал Толстой.

Это замечательные слова.

Они указывают истинное место «Бородина» в русской литературе: это целая народная эпопея в простом реалистическом рассказе, и самый этот рассказ есть торжество народности и реализма в русской поэзии.

В связи со сказанным, вызывает полное недоумение утверждение Б. М. Эйхенбаума, будто «Бородино» — не более как «солдатский рассказ с фольклорной окраской в стиле военных стихотворений Дениса Давыдова» (Лермонтов. Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта», 1937, стр. 434). Нужно ли доказывать, что между суровой простотой и глубиной народного рассказа Лермонтова и лихой офицерско-гусарской «музой в кивере» Дениса Давыдова нет ничего общего!

После «Бородина» стало ясно, что **народного** поэта Пушкина сменил **народный** поэт Лермонтов.

После славного дебюта в 1837 году Лермонтову отмерено было судьбой лишь четыре года на жизнь и творчество, но в эти четыре года Лермонтов стал великим мятежным сердцем русской поэзии, пламеневшим горячей любовью к народу.

Об этой любви Лермонтов рассказал в стихотворении «Родина» (в рукописи оно называлось «Отчизна»):

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Лермонтов любит родину «странною» любовью — любовью к ее великому народу, к ее неоглядным просторам с «дрожащими огнями печальных деревень».

13 марта 1841 г. Белинский писал Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина», то, аллах керим, что за вещь, — пушкинская, то есть одна из лучших пушкинских».

«Если будет напечатана»: Белинский считал, что та любовь к родине, в которой признается Лермонтов, должна казаться недозволительной и неблагонадежной с точки зрения цензуры.

Преемник Белинского, Н. А. Добролюбов уже без всяких намеков истолковал, в чем заключается та новая любовь к родине, о которой говорит Лермонтов в своем стихотворении «Родина» и которою полны и преисполнены все его создания последних лет: «Дума», «Поэт», «Песнь о купце Калашникове», «Валерик», «Мцыри», «Герой нашего времени».

Лермонтов, по словам Добролюбова, обладал «громадным талантом и, умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит замечательное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

В 1841 году, незадолго до смерти, Лермонтов записал в своем альбоме:

«У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел, и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия».

В этих словах о проснувшемся богатыре не надо искать гордой воинственной мечты о будущих завоеваниях: «Слава, купленная кровью», как знаем из почти одновременного признания Лермонтова, «не шевелила в нем отрадного мечтанья». В этих словах есть другое «мечтанье», общее у Лермонтова с Белинским и Герценом: в этих словах выражена глубокая уверенность народного поэта в том, что его народ, насильственно прикованный к «тяжелому сну» рабства, встанет, как проснувшийся богатырь, и начнет новую прекрасную жизнь, исполненную подвигов и великих деяний.

Когда Лермонтов, — вскоре после этой записи в альбом, дополняющей его «Родину», — был убит на дуэли, Николай I воскликнул: «Собаке — собачья смерть!» Царь знал: вторая дуэль освобождала его от второго поэта-врага.

От дебюта Лермонтова до его смерти прошло всего 4 года, но и их было достаточно, чтобы слава великого народного поэта стала вечным венцом Лермонтова.

С. ДУРЫЛИН.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1855 г.
Т. Н. Грановский

16 октября 1855 г. умер Тимофей Николаевич Грановский, профессор истории Московского университета, виднейший представитель западничества 40-х годов.

Грановский родился в 1813 г. в Орле в дворянской семье. В студенческие годы в Петербурге он сильно нуждался. Исключительная одаренность Грановского обратила на себя внимание, и он был в 1837 г. послан в Берлин для подготовки к профессуре. В 1839 г. он был назначен преподавателем Московского университета, в котором впоследствии занял кафедру всеобщей истории.

Необычайного блеска достигло его дарование в читавшихся им лекциях, о которых Чаадаев сказал, что «они имеют историческое значение». Влияния Грановский достиг громадного.

Главное значение Грановского заключается в пропаганде западного либерализма, являвшегося противодействием славянофильскому консерватизму. «Очень немногие лица в нашей истории,—отозвался о Грановском Чернышевский,—имели такое могущественное влияние на пробуждение у нас сочувствия к высшим человеческим интересам». Герцен говорил, что Грановский «думал историей, учился историей и впоследствии делал пропаганду историей».

Воздействие взглядов Грановского было так велико, что он постоянно вызывал негодование реакционных кругов. Но полемический темперамент Грановского только ярче загорался от этого. «Постараюсь оправдать и заслужить вражду моих врагов», писал он.

«Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением», говорил Грановский. В одном из последних своих писем он писал: «Быстро на нашей сцене дикое самовластие изнашивает людей». Эта фраза оказалась для него самого пророческой: Грановский умер в возрасте 42 лет.

1863 г.
Н. Г. Помяловский

17 октября 1863 г. умер Николай Герасимович Помяловский, талантливейший представитель революционно-демократической литературы. За гробом его шла густая толпа. «Не было тут, — говорит современник,— сановитых официальных лиц... Увязая в грязи, провожали писателя такие же неимущие люди, по большей части молодежь, как и он сам».

Литературная деятельность Помяловского — он умер 28 лет—продолжалась всего четыре года. Смерть помешала ему осуществить его главные замыслы, но и немногое, что было написано им, положило начало новой литературной школе сурового демократического реализма. «Он первый,—писал Максим Горький, — решительно восстал против старой, дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость «изучать всех участников жизни»—нищих, пожарных, ломовиков, бродяг и прочих».

Помяловский выступил в литературе в начале 60-х годов. Он первый ввел в литературу героя-разночинца с его трезвым умом и энергией, тяжким трудом добивающегося своего существования и восстающего против аристократа. («Мещанское счастье», «Молотов»). Революционная сила «духа обличения», которым полны произведения Помяловского, обратила на себя внимание царской цензуры. «В повести «Мещанское счастье», — писал цензор,— оскорбленный плебей не скрывает своего сословного презрения к аристократам и называет их «негодяи, аристократишки, барчуки, черти, мерзавцы».

Обличитель дворянства—Помяловский в то же время и страстный обличитель тины и косности «мещанского счастья».

В «Очерках бурсы», проникнутых тем же духом обличения, Помяловский показал страшный «участок жизни» — школу, в которой готовили будущих «архипастырей».

Резкие контрасты социальных противоречий—тема последнего незаконченного романа Помяловского «Брат и сестра».

Время, в которое Помяловский начал свой последний роман, совпало с усилившейся правительственной реакцией. Он впал в запой, запил, «дошел до пятой в своей жизни белой горячки», как выразился он в одном из своих писем. После ареста Чернышевского, который был для него вождем и учителем, он покушался на самоубийство.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и лермонтовской силы».

М. Горький, высоко ценивший творчество Помяловского, «талантливого и сурового реалиста», призывал к его изучению.

На секретариате ССП

Еще о Литературном институте

На состоявшемся вчера заседании секретариата правления ССП СССР снова встал вопрос о Литературном институте им. А. М. Горького, хотя Секретариат на прошлом заседании уже обсудил этот вопрос.

Оказалось, что ни руководство Института, ни руководство его заочной сети не информировало тогда Секретариат о фактическом срыве начала учебы на заочном отделении. До сих пор не созданы элементарные условия для начала заочных занятий — нет необходимых программ и методических разработок.

Секретариат ССП СССР поручил тт. Бахметьеву и Исбаху обследовать положение заочного отделения Литинститута, признав необходимым обеспечить начало заочной учебы к 1 ноября.

Журнал «Резец» должен быть сохранен

Ленинградский литературно-художественный журнал «Резец» является единственным журналом, специально предназначенным для работы с начинающими писателями. Этот журнал в последнее время был фактически развален разоблаченными ныне троцкистскими вредителями из Ленинградского союза писателей. От дальнейшего издания журнала «Резец» издательство Леноблисполкома решило отказаться.

Признавая необходимым сохранение журнала, Секретариат решил просить Гослитиздат принять этот журнал в свою издательскую сеть.

Новые песни

ЛЕНИНГРАД. (Наш. корр.). Закончился ленинградский конкурс на массовую песню к 20-летию Великой социалистической революции.

Конкурс был организован ленинградским союзом композиторов, Ленсоюзом советских писателей и Музгизом. На него поступило 250 текстов и 265 музыкальных произведений.

Жюри конкурса не сочло возможным присудить первую и вторую премии авторам песен и текстов.

Третья и пятая премии присуждены композитору Д. Прицкеру—автору «Песни о советского казачества», написанной на текст Ал. Прокофьева, и «Песни о Ленинграде» (слова Елены Рывиной).

Четвертую премию получил композитор Н. Леви за песню «Гей ты, степь кубанские» (слова А. Д'Актиля).

За тексты песен третью премию получил В. Яницкий—автор «Песни о Сталине». Четвертую и пятую премии—Елена Рывина, автор двух «Песен о Ленинграде».

Поощрительные премии, кроме А. Д'Актиля, присуждены также Ел. Полонской — за «Колыбельную песню» и Б. Кежуну — за «Песню о Щорсе».

Жюри конкурса особо премировало не участвовавшего в конкурсе А. Прокофьева, тексты которого широко использованы композиторами.

Конкурс на массовую песню

Конкурс на массовую песню к XX годовщине Великой социалистической революции, об'явленный Союзом советских писателей, союзом композиторов и Музгизом, привлек к себе широкое внимание.

На конкурс поступило свыше полуторатысяч текстов, из которых отобрано около ста. Большинство песен написано на оборонные темы. **Прием текстов на конкурс сегодня закончился.**

Авторы новых текстов песен могут присылать их, вне конкурса, в Музгиз (Неглинная улица, дом 14) или в союз советских композиторов (Собачья площадка, дом 10).

Антология татарской поэзии

В антологию татарской поэзии, выпускаемую в ближайшее время Гослитиздатом, вошли произведения виднейших татарских поэтов послеоктябрьского периода.

Советских татарских поэтов интересует и волнует жизнь всех уголков нашей великой родины и ее замечательных людей.

Советская татарская поэзия стала носителем идей и чувств великого советского народа.

В сборник включены также произведения двух крупных представителей дореволюционной татарской поэзии — Г. Тукая и И. Гафури, сыгравших огромную положительную роль в развитии культуры татарского народа.

Набросок художника Г. Клуциса, сделанный 23 мая текущего года в то время, когда П. Вайян-Кутюрье осматривал стэнд московского метрополитена в Советском павильоне на Парижской выставке.

Верный друг трудящихся

Умер Поль Вайян-Кутюрье. Ему было всего сорок пять лет. Писатель, боец народного фронта, он хотел и мог сделать еще очень много для счастья трудящихся.

Когда оглядываешься на пройденный им жизненный путь, видишь, как много общего и схожего с Анри Барбюсом было у него в творчестве и в борьбе.

Как и Анри Барбюс, Поль Вайян-Кутюрье начал свою литературную деятельность еще до войны: в 1913 году он выпустил книгу стихов, в которой смутная неудовлетворенность интеллигента не получила внятного выражения. С этой смутной неудовлетворенностью он ушел на войну.

Он храбро дрался и был произведен в лейтенанты. Но во время этих боев он увидел подлинного врага культуры и цивилизации, подлинного врага человечества и ушел из окопов с твердой решимостью драться против него еще более упорно и стойко, чем он сражался на войне.

Выражением его нового сознания явились те книги, которые он написал после войны и которые он посвятил войне. Это повесть «В отпуску», это книга рассказов «Солдатская война», это сборник поэм «Тринадцать плясок смерти».

Уже в первой из них, где он просто и бесхитростно описывает свои переживания, впечатления и встречи во время десятидневного отпуска, проведенного в Париже, звучит то новое, что вошло в его жизнь: ненависть к войне, ненависть к ее виновникам. Он уже понимает, что в войне «меряют свои силы два любезных противника: сталь Круппа и сталь Шнейдера».

Барбюс запечатлел лик войны в своем бессмертном «Огне», Вайян-Кутюрье в своих простых рассказах «Солдатская война» обнажил убийственный кошмар империалистической бойни, и это его произведение может быть поставлено вслед за непревзойденным «Огнем» в ряду лучших антивоенных произведений.

Вайян-Кутюрье не забывал о войне и в своем дальнейшем творчестве.

И так же, как Барбюс, Вайян-Кутюрье еще в окопах империалистической войны стал в ряды антивоенных борцов. Вместе с Барбюсом он принимал участие в организации «ассоциации бывших участников войны», а в 1920 году вступил в коммунистическую партию, чтобы в ее рядах бороться против капиталистического угнетения. Он был делегатом III Конгресса Коминтерна, он был активным деятелем французской компартии, членом ее центрального комитета, и черпая из сокровищницы марксистско-ленинской мысли, он нес слово правды и борьбы в народные массы.

И как Барбюс, он был верным и преданным другом Советского Союза. В 1926 году он выпустил книгу «Месяц в Красной Москве», в которой опровергал клеветническую книгу продажного французского писателя Анри Беро «Что я видел в Москве». Вайян-Кутюрье нарисовал всесторонне и детально жизнь красной столицы и показал, как советский народ, преодолевая трудности, ликвидируя тяжелое наследство войны и интервенции, строит новое хозяйство, новую жизнь, новую культуру.

В 1931 году он совершил длительную поездку по Советскому Союзу и выпустил три книги под общим названием «Строители новой жизни». Степи Украины, предгорья Северного Кавказа, среднеазиатские равнины, беспредельные пространства Урала, завоевываемые социалистической индустрией, нашли отражение в его книгах.

Колхозы, в короткий срок превратившие деревню в цветущие поля и сады, новые люди колхозов, по-новому работающие и пожинающие богатые плоды своих трудов; ленинско-сталинская национальная политика, превратившая народы, лишенные культуры, не знавшие грамоты, в культурных строителей социализма; сталинский план индустриализации, воздвигший новые города и заводы-гиганты там, где вчера была пустыня,—вот темы его книг, которые останутся живым свидетельством героических побед социализма в стране Советов.

Он был в СССР еще недавно, в дни процесса антисоветского троцкистского центра, и его пламенные статьи рассказывали миру правду о пресеченных карающим мечом пролетариата покушениях и замыслах агентов Гестапо и японской разведки. И мы увидели бы его снова живого, жизнерадостного, пламенного в Москве в дни празднования 20-летия Великой социалистической революции, если бы смерть не помешала ему осуществить его намерение.

Главный редактор органа французской компартии «Юманите» и член французского парламента, он находил силы и время для многосторонней кипучей деятельности. Он приезжал в Испанию, чтобы потом в коротких рассказах-корреспонденциях поведать миру о героизме республиканских бойцов, о варварстве фашистских интервентов, о мучениях и страданиях испанского народа. А возвращаясь из испанских окопов в свой Париж, он не только писал, он прилагал усилия, чтобы обеспечить помощь испанским детям и женщинам. Он неустанно трудился над сплочением народного фронта, над об'единением всех передовых сил мира против варварского фашизма. Он был мэром парижского рабочего предместья Вильжюифа, и там он проявлял подлинно отеческую заботу, чтобы создать рабочим культурную жизнь, чтобы воспитать рабочих детей для жизни и борьбы.

Поистине многогранна и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубока скорбь трудящихся Франции. Скорбью охвачены и сердца трудящихся страны Советов. Он был верным другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Анри Барбюса, служит примером для передовой интеллигенции мира.

Он радовался за нашу страну

Это было накануне открытия Советского павильона на Парижской выставке. В громадных залах шла напряженная работа. Мы все уже испытывали радость, что павильон СССР будет открыт первым.

В один из этих дней я увидел в залах нашего павильона Вайяна Кутюрье, его открытое добродушное лицо с ясными детскими глазами. Он с исключительным вниманием не только рассматривал, но и изучал каждый экспонат, каждую цифру, каждую картину, скульптуру, панно.

Я работал в последнем зале выставки над панно «VIII Чрезвычайный Всесоюзный с'езд Советов». Вайян Кутюрье внимательно и долго рассматривал каждую деталь работы.

Никогда не забуду я изумительного, родного взгляда Вайяна Кутюрье. Он радовался вместе с нами за нашу замечательную страну, — твердыню нового социалистического строя, радовался за наши успехи в промышленности, сельском хозяйстве, культуре и искусстве.

Г. КЛУЦИС

Книга о Лу Сине

Издательство Академии наук СССР сдало в печать книгу о знаменитом китайском писателе Лу Сине, верном друге нашей страны и литературы, годовщина смерти которого исполняется 19 октября.

Статьи, вошедшие в книгу, посвящены жизни и творчеству Лу Синя, которого не без оснований называли «китайским Горьким».

Размер сборника — 10 печатных листов. Книга о Лу Сине будет оформлена в стиле китайского оформительского искусства и снабжена иллюстрациями. Подготовлена она к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР.

«РАЗОБЛАЧИТЬ НАЦИОНАЛИСТОВ ДО КОНЦА»

28 сентября оргбюро Киргизского союза советских писателей обсудило статью, напечатанную в № 50 «Л. Г.» от 15 сентября под названием «Разоблачить националистов до конца».

Оргбюро вынесло решение, что статья, правильно вскрыв чрезвычайно серьезные болезни писательской организации Киргизии, «послужила толчком к развитию большевистской критики, в связи с чем молодые писатели открыто выступили на страницах печати, вскрыли недочеты, имеющиеся в писательской организации, и резко критиковали беспечность и бездеятельность, царившую в правлении ССП».

Оргбюро решило созвать в ближайшее время общее собрание писателей для обсуждения этой статьи.

Маленький фельетон

ИДА БРУК — КАНДИДАТ

Повесть в двух частях.

Часть I.

Кто-то, что-то, зря когда-то
Напечатал где-то, вдруг...
И... попала в кандидаты
«Поэтесса» Ида Брук.

Часть II.

Многолетний испытательный
Срок давно успел пройти.
Время в секцию читателей
Иду Брук перевести.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

«Жан Кристоф» Ромэн Роллана

Гослитиздат выпустил роскошное издание знаменитой эпопеи Ромэн Роллана «Жан-Кристоф».

Роман вышел в двух томах большого формата и оформлен по образцу французского пятитомника, выпущенного в Париже в издательстве Albin Michel. В русском издании полностью воспроизведены многочисленные гравюры на дереве, специально сделанные для французского издания Франсом Мазереель. Знаменитый бельгийский график выполнил свои гравюры с присущим ему блеском и мастерством, обнаружив глубокое проникновение в стиль и образы романа.

Несмотря на высокую стоимость нового издания (цена обеих книг — 43 рубля), оно разошлось почти целиком в день поступления в книжные магазины.

Учитывая огромный спрос читателей на замечательное произведение Ромэн Роллана, Гослитиздат выпускает «Жан Кристофа» и в дешевом издании — в тех же переводах и под той же редакцией.

Уже вышел первый том — четыре части романа («Заря», «Утро», «Юность», «Бунт»). Цена тома — 3 р. 50 к.

Книжная хроника

Гослитиздат выпускает:

✱ **«Теперь в ноябре»** — роман английской писательницы Джозефины Джонсон. Автор живо и талантливо описывает историю семьи фермеров — их борьбу за участок земли. Огромные проценты за деньги, взятые под закладную, поглощают все доходы. Все усилия фермеров организоваться для борьбы со скупщиками оказываются тщетными. Роман ярко рисует безвыходность положения фермеров в капиталистических условиях.

✱ **«Стихи»** — еврейского поэта С. Росина. В сборник вошли поэтические произведения, написанные в период 1921—1936 гг. В них автор говорит о великих победах, которые принесла Великая социалистическая революция, и о торжестве новой жизни.

✱ **«Граница»** — книга очерков Ю. Жукова о жизни наших пограничных районов на Дальнем Востоке. Автор дает портреты людей, охраняющих неприкосновенность наших морских и сухопутных границ.

✱ **«Союз матерей»** — пьеса в стихах В. Инбер. Ее тема: материнство в старом и новом — советском — понимании этого слова. Попутно В. Инбер затрагивает тему о человеке, который «боится семейного гнезда». Жизнь разрушает эту его ложную и вредную «теорию».

✱ **Песни Страны Советов** — сборник наиболее распространенных массовых революционных песен. Сборник выходит третьим изданием, значительно расширенным и дополненным по сравнению с предшествующими изданиями.

✱ **«Рассказы и сцены»** — сборник на цыганском языке, включающий рассказы и сцены М. Ильинского и Ром-Лебедева. Рассказы рисуют жизнь и быт кочевых цыган до и после революции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Совещание молодых поэтов

На совещании молодых поэтов, созванном редакцией «Литературной газеты» совместно с правлением ССП СССР, были поставлены вопросы, живо волнующие всю литературную общественность, — о моральном облике писателя и об участии в избирательной кампании оружием художественного слова.

Открылось совещание вступительным словом т. В. Ставского, охарактеризовавшего моральную высоту писательского долга и призвания в советской стране.

— Мы должны, — заявил т. В. Ставский, — иметь перед своими глазами великие примеры духовных вождей нашей страны— Ленина, Сталина, Дзержинского, следовать их идейной чистоте, непреклонности и целеустремленности, их готовности жертвовать последней каплей крови за счастье трудящихся.

Союз советских писателей еще плохо работает с молодежью. Между тем воспитательная работа имеет сугубо важное политическое значение. Враги народа используют каждую возможность подчинить своему влиянию неустойчивые элементы среди писательской молодежи. Жертвами враждебных влияний обычно, в первую очередь, делается морально распущенная и разложившаяся в бытовом отношении молодежь. Поистине прозорливым было предупреждение А. М. Горького в статье «Литературные забавы», что путь от хулиганства до фашизма короче воробьиного носа.

Это предупреждение полностью оправдалось не только на Павле Васильеве, на которого указывал А. М. Горький. Такой же пример мы имеем в лице поэта Корнилова и некоторых других.

Отсутствие атмосферы общественного воздействия, борьбы с моральной неустойчивостью, отсутствие подлинно творческой дружбы между поэтами порождает такие факты, как факт антиобщественного поведения поэта Л. Черноморцева.

Молодые поэты в своей значительной части оторваны от жизни, плохо ее знают и вообще не желают учиться.

Известным подтверждением этой характеристики явились двухдневные прения на совещании. Они проходили на низком идейном уровне и носили очень пестрый характер.

Недостаток прений заключался в том, что большинство присутствовавших молодых поэтов поняло основную тему совещания — о моральном облике писателя — весьма упрощенно и односторонне, как только борьбу с бытовым разложением. Эта тема не была поднята на принципиальную политическую высоту.

Уже в первый день совещания т. В. Ставский с удивлением констатировал полное отсутствие остро-политических вопросов во всех почти выступлениях. Некоторую попытку в этом отношении сделал т. А. Коган, говоривший о необходимости сочетания чуткого отношения, сталинской заботы о человеке с идейной непримиримостью.

Характерно, что в счете, пред'явленном молодежью союзу, совершенно отсутствовали требования об организации политической учебы и учебы у жизни путем организации творческих командировок.

Прения изрядно засорялись значительной примесью мелкой взаимной полемики. Настроения групповой склоки, к сожалению, характерны для молодых поэтов, в особенности для «школы» С. Острового и «школы» А. Симонова. Тщетны были стремления совещания увидеть какие-либо действительно принципиальные расхождения, какую-либо борьбу мировоззрений за утомительнейшей «дуэлью» между Островым и С. Васильевым, с одной стороны, и Симоновым (дело идет о первой его речи), Долматовским, Алигер — с другой.

«Дуэль» эта показала полное отсутствие самокритики у этих поэтов, из которых многие склонны провозглашать себя «ведущими», и присущую им столь же беспредельную нетерпимость к критике.

Но, как ни печальны все эти факты, справедливость требует отметить, что поэтическая молодежь до последнего времени была в значительной мере беспризорной. Воспитанием ее никто в союзе не занимался.

Поэтическая секция союза мало работала с молодыми поэтами, в Доме советского писателя у них нет своего уголка, а теперь ликвидация грозит их единственному очагу — коллективу молодых поэтов при Гослитиздате.

Много жалоб и неудовлетворенности было высказано по поводу взаимоотношений между молодыми поэтами и поэтами старшего поколения. Много «мечтаний вслух» было произнесено о дружбе между поэтами. С. Островой даже договорился до обвинения поэтов старшего поколения в политиканстве и протекционизме по отношению к молодежи.

Впрочем, для оценки взглядов этого поэта еще более, пожалуй, характерен выдвинутый им решающий, по его мнению, эстетический критерий — личный вкус.

Совершенно основательно и подлинно тревожно прозвучал упрек т. Баукова, что даже в Литературном институте молодые поэты не имеют авторитетного руководителя, которому они могли бы верить.

А. Коваленков говорил о вредоносном влиянии на молодежь бывших конструктивистов, а также перевальцев, делавших попытки взять под свою опеку писательскую молодежь. Корни этих влияний еще не выкорчеваны.

А. Сурков с возмущением говорил о взаимном неуважении и остром соперничестве, которые свойственны молодым поэтам. Чувства эти могли быть понятны у дореволюционных поэтов, которые, по слову А. Блока, друг друга встречали «надменной улыбкой», но они совершенно недостойны современной поэтической молодежи, которой решительно нечего делить, ибо она располагает такими возможностями печататься и выступать перед читателями, о которых не мог даже мечтать дореволюционный поэт.

А. Сурков призывает ликвидировать «групповщину» и «склоку». Он обещает активизировать поэтическую секцию, организовать совместную творческую работу молодых и старых поэтов, включить в орбиту внимания поэтической секции коллектив молодых поэтов при Гослитиздате.

Горячую речь о борьбе с нездоровыми тенденциями и бытовым разложением среди писательской молодежи произнес И. Уткин.

П. Павленко на основании своего знакомства с писательской молодежью периферии констатирует вред раннего профессионализма. Это влечет за собой отрыв от жизни, чрезмерную требовательность и самомнение. Союз ограничивает свою работу с молодежью заботою о повышении литературной квалификации немногих единиц.

Что дало совещание молодых поэтов? Ответ на этот вопрос следует искать не в очередной покаянной речи Л. Черноморцева, не в примирении Острового с Коваленковым, что, по мнению последнего, является «прибылью» для литературы.

Крупнейшим показателем известного поворота в умах молодых поэтов, вызванного совещанием, является превосходная, дышавшая искренностью вторая речь тов. Симонова. Он с горечью говорил о некоторой установившейся поэтической ограниченности. Поэты не считают для себя обязательным вникать в жизнь, глубоко вскрывать социальные процессы, давать образы, реалистически оправданные. Это почему-то считается только привилегией прозаиков.

Тов. Симонов говорил также о вредном влиянии своеобразного меценатства, проявляемого союзом по отношению к молодежи. Оказывая помощь молодым писателям, он не спрашивает у них отчета в проделанной работе. Тов. Симонов, требуя организации подлинного повседневного контроля творческой работы молодых, горячо призывал молодежь учиться.

Важнейшим результатом совещания является об'явленное на нем **творческое соревнование поэтов по их участию в подготовке выборов в Верховный Совет СССР.**

Следующее совещание поэтов должно состояться через месяц.

На нем поэты выступят с творческими отчетами о своем участии в соревновании.

Вести с Украины

Писатель **А. Н. Толстой** приезжает в Полтаву для работы над историей Полтавского боя — для второй серии фильма «Петр Первый».

Несколько творческих вечеров Алексея Толстого предполагается в Харькове.

★

Институт истории Украины Академии наук УССР сдал в печать сборник **«Красная гвардия на Украине».** Собранные в книге документы показывают отдельные моменты из истории создания на Украине в 1917—1918 гг. вооруженных сил Великой Пролетарской революции.

★

Институт языковедения Академии наук УССР к 20-й годовщине Великой Пролетарской революции выпускает специальный номер журнала **«Мовознавство»**, в котором будут широко освещены достижения украинского языковедения, история литературных языков — украинского, русского и белорусского.

★

Гослитиздат Украины выпустил в сентябре на украинском языке роман **Лиона Фейхтвангера** «Иудейская война» и роман **Эриха Вайнерта** «Германия». Вышли также — «Сказка о царе Салтане» Пушкина, в переводе Павло Тычины, и сборник рассказов Чехова.

Из украинских писателей изданы: «Кобзарь» Шевченко и «Избранные стихи» М. Рыльского.

★

Расширенное заседание Харьковского областного управления ССПУ совместно с активом исключило из рядов союза Полторацкого — автора вражеских произведений, одного из бывших руководителей троцкистско-националистической «Новой генерации», участника подпольной группировки.

За связь с врагами народа исключены из союза Марков и Фуклев.

Уполномоч. Главлита В—29622.
Типография газ. «Индустрия». Москва, Цветной бульвар, 30.